КIII 1044198

Выставка в школе

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Михаила ШОЛОХОВА

Издательство
* Детская литература *

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Михаила Шолохова

Материалы для выставки в школе и детской библиотеке

МОСКВА

* Детская литература *

1985

...Замечательное явление нашей литературы — Михаил Шолохов. Он целиком рожден Октябрем и создан советской эпохой. Он пришел в литературу с темой рождения нового общества в муках и трагедиях социальной борьбы... «Тихий Дон» по языку, сердечности, человечности, пластичности — произведение общерусское, национальное, народное.

Алексей Толстой

Наш Великий современник

Слова эти произнесены более сорока лет назад. В них, можно сказать,— самый свежий, самый живой взгляд на Михаила Шолохова как художника нашего времени, рожденного Октябрем и созданного советской эпохой, эпохой революционной борьбы за победу социализма. Но и теперь в словах Алексея Толстого проглядываются те, пока только эмоционально обозначенные ориентиры, по которым определяется вклад Шолохова в художественное развитие человечества.

Как и всякий большой художник, Шолохов вошел в литературу со своими идеями и образами, со своими героями — крупными человеческими характерами, рожденными самой жизнью, развороченной бурными переменами Октябрьской революции и еще дымящейся пожарищами войн. Правдивый летописец этой эпохи, он вторгался в жизнь современников, завладевал их переживаниями и властно вел за собой.

Шолохову выпала доля произнести такие слова о судьбах народа в революции, какие до него никогда и никем еще не были сказаны, да еще с такой силой художественной выразительности.

Произведения Шолохова — это собственно одна книга о судьбах народа на разных этапах его революционного пути. Началом этой книги были «Донские рассказы», следующим звеном — «Тихий Дон», эпическое полотно о путях народа в революции, его продолжением — «Поднятая целина», роман о росте народного сознания, о единстве партии и народа в борьбе за новую, социалистическую жизнь. Героическая борьба народа за свободу и независимость в годы Великой Отечественной войны стала содержанием романа «Они сражались за Родину», рассказов «Наука ненависти», «Судьба человека».

В созданных художником образах выразились узловые моменты эпохи, с большими историческими событиями связаны судьбы его героев. Они, как тут не вспомнить меткое наблюдение Серафимовича, «вываливались живой сверкающей толпой и у каждого свой нос, свои морщины, свои глаза с лучиками в углах, свой говор», каждый ненавидит по-своему, и любовь «искрится и несчастна у каждого по-своему». Этот свой «внутренний человечий строй», свое открытие человека и истории в дни величайших революционных потрясений и принес Шолохов своими книгами в мировую художественную культуру.

Историзм, масштабность изображения современной жизни — существенная особенность таланта Шолохова. Как известно, М. Горький известил мир о приходе нового героя и раскрыл его характер преимущественно в ситуациях революционной борьбы дооктябрьского времени. Шолохов вместе с Маяковским, каждый своими средствами, своим голосом и в своих формах, но одинаково ярко и самобытно изображали те процессы, которые происходили в канун Октября и на основных этапах развертывания великой революции.

Вклад Шолохова в литературу как писателя социалистической эпохи, как величайшего выразителя «духа времени» определяет не только обаяние и самобытность художественного облика писателя, его неповторимое творческое лицо, но и место в литературе, воздействие на нее. Шолохов начинал, по наблюдению Алексея Толстого, «новую народную прозу», скрепляя своим талантом советскую литературу со «старшими богатырями», с реалистическими традициями русской классики и определяя одновременно с этим «шолоховское направление» в современной литературе как направление связи жизни и литературы, утверждения ее народности и национального своеобразия.

Романы Шолохова стоят в ряду лучших достижений великой русской литературы. Продолжая реалистические традиции классики, автор «Тихого Дона» и «Поднятой целины» доказал их неисчерпаемость, великую жизненную силу

в современных, подлинно новаторских формах социалистического реализма. Великий талант Шолохова впервые так широко и полнокровно открывал мир народной жизни в динамике ее революционных перемен, мир больших человеческих чувств и страстей, радостей и страданий, духовного богатства народа на большом переломе его жизни, раскрывал философию борьбы за новое общество, утверждал веру в торжество идей революционного гуманизма.

Мир этот обретал у Шолохова масштабные формы эпического повествования, поднимавшиеся на самые большие высоты мирового искусства. Рисуя характеры русских людей крупно, во всей психологической глубине, показывая их благородные идеалы, самоотверженность и человечность в достижении великих целей, Шолохов обогащал человечество знанием нашей эпохи, нашего народа, вносил в сокровищницу мировой культуры такой значительный вклад, который только теперь начинает оцениваться.

Сегодня Шолохов всемирно известен прежде всего как великий художник, ушедший глубинными корнями в русскую национальную почву и питавшийся ее живительными соками, как самобытный современный художник, реалист и новатор, воздействие эстетических принципов которого испытывают писатели различных творческих индивидуальностей и творческих судеб, как у нас, так и за рубежом.

«Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждать любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества»,— в этих шолоховских словах основная программа всего его творчества. С этой программой он вступил в литературу и остался верен ей. Его герои несут в себе многообразные чувства — от радости до страдания, великие чувства доброты, гордости и достоинства, благородные качества людей, утверждающих невиданный в истории социальный, духовный, нравственно-психологический строй, имя которому — социализм.

Народность Шолохова как художника прежде всего — в раскрытии неторенных исторических путей народа-первооткрывателя. Органическая связь с думами, чаяниями, чувствами людей, вступивших на путь решительного переустройства жизни,— вот главный стержень творчества и одновременно тот животворный источник, из которого неизменно питается его могучий художественный талант.

«Я видел и вижу свою задачу как писателя в том,— говорил Шолохов, чтобы всем, что написал и напишу, отдать поклон этому народу-труженику, народу-строителю, народу-герою, который ни на кого не нападал, но всегда умел с достоинством отстоять созданное им, отстоять свою свободу и честь, свое право строить себе будущее по собственному выбору».

Созданные Шолоховым книги народны по природе своей, по духу, по форме. Писатель раскрыл в них богатый духовный мир человека-труженика, его неиссякаемую талантливость, нравственную чистоту, моральную цельность, извечное стремление к свету и правде. Народ на страницах книг Шолохова предстает в удивительном разнообразии человеческих индивидуальностей, в труде, походах и битвах, в героических и трагических ситуациях, эпохальных конфликтах. Это — поистине движущая сила истории.

Автор «Тихого Дона» и «Поднятой целины» одновременно и бытописатель, и историк народной жизни. Сравните жизнь в Татарском и Гремяченском хуторах — и вы воочию убедитесь в том, что именно логика, реальное движение истории определяют художественное видение автора, круг героев, их дела. Большие исторические события раскрываются не просто как цепь эпизодов — они преломляются в сознании народа, воплощаются в судьбах людей.

Поступательное движение истории в романах Шолохова насыщено большим философским смыслом. Родная стихия его романов — мудрость народной жизни. Эпохальные исторические события, определяющие народные судьбы, идеалы и победное шествие народное, сложность взаимоотношений личности и народа всегда у Шолохова многозначны, философски емки и значительны.

Своеобразие писательского облика Шолохова как художника русского и подлинно народного диктуется во многом эстетической школой устной народной поэзии, ставшей живительным источником творчества автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Это вместе с тем — надежный источник познания мировоззренческих позиций народа, его самобытных оценок, это — и яркое средство характеристики богатства народной жизни, традиций и чаяний, чувств и переживаний народных.

Органическое, глубокое знание жизненного материала, совершенное владение им — еще один существенный фактор богатства художественного мира Шолохова. Неиссякаемый источник его книг — жизнь, и писатель черпает из нее факты родниковой свежести, знает их не хуже любого краеведа, историка, этнографа, фольклориста, диалектолога, вместе взятых. Это знание, освещенное талантом большого художника, создает жизненную атмосферу во всей ее конкретности и цельности, в которую читатель погружается с головой, забывая о том, что он листает страницы книги. Он живет этой жизнью.

Так рождается вера читателя в художника, та связь писателя с народом, которая дает ему право называться народным художником.

Шолохов — русский писатель резко выраженной индивидуальности. Жизненные ситуации, изображенные им, имеют конкретный исторический, временной адрес. И тем не менее, он стал художником мировым, вызывающим отклик в сердцах людей самых различных национальностей, стал художником, оказавшим существенное воздействие на ход литературы XX века. Почему же так случилось? Велик талант Шолохова — это бесспорно, очевидно. Но талант художника проявился не только живописной стороной, не только великолепным психологическим мастерством и самобытной языковой стихией. Этот талант сказался прежде всего в способности увидеть и совершенно воплотить решающие события и проблемы века.

Масштабность взгляда писателя, народность, взятая не просто как верность тем или иным типам и обстоятельствам, но как принцип подхода к действительности,— вот чем определяется немеркнущее значение Шолохова, его художественного вклада в сокровищницу мировой литературы.

Это — личный шолоховский вклад, но это и вклад всего искусства социалистического реализма как нового эстетического образования, того искусства, которое именно в творчестве советского классика нашло одно из высших своих проявлений.

Еще раз вспомним речь Шолохова при вручении ему Нобелевской премии по литературе. Утверждая значение реализма как наиболее прогрессивного творчества, Шолохов уточняет свою мысль: «Я говорю о реализме, несущем в себе идею обновления жизни, переделки ее на благо человеку. Я говорю, разумеется, о таком реализме, который мы называем сейчас социалистическим. Его своеобразие в том, что он выражает мировоззрение, не приемлющее ни созерцательности, ни ухода от действительности, зовущее к борьбе за прогресс человечества, дающее возможность постигнуть цели, близкие миллионам людей, осветить им путь борьбы».

В этих шолоховских словах содержится скрытая полемика с теми зарубежными «ценителями» его таланта, которые силились приписать автору «Тихого Дона» и «Поднятой целины» верность идее «независимости искусства от общества», вывести его как крупнейшего художника за пределы социалистического реализма и тем обеднить основное направление идейно-художественных исканий и успехов советской литературы.

Имя Михаила Шолохова как автора эпических повествований о нашем времени неразрывно связано с историей советской литературы, с утверждением в ней нового творческого метода — метода социалистического реализма. Его книги — живое свидетельство идейно-художественной зрелости советской литературы, торжества в ней принципов социалистического реализма, получивших в творчестве автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины» художественное цельное воплощение.

Обогатив традиции предшественников, традиции советских писателей старшего поколения, Шолохов принес в литературу свою неповторимую самобытную творческую индивидуальность, утвердил свое право на новаторство как мастера социалистического реализма, прочно связавшего свою писательскую судьбу с эпохой социализма. Как художник социалистического реализма Шолохов шел в русле устремлений всей советской литературы. И теперь многие писатели, как у нас, так и за рубежом, признают, что Шолохов продолжает будить их писательскую мысль, заставляя зорче вглядываться в процессы современности. Его великое реалистическое мастерство и сегодня служит пробным камнем, на котором проверяется истинное искусство.

Книги Шолохова поднимают идейно-художественный уровень современных явлений литературы.

Детские и юношеские годы Михаила Шолохова

Михаил Александрович Шолохов родился 24 мая 1905 года в хуторе Кружилином, Вешенской станицы, б. области Войска Донского (теперь Ростовская область). В самом центре этого хутора и теперь стоит небольшой, крытый чаканом курень, в котором прошли годы раннего детства. Здесь рождались, отсюда шли первые, еще детские, но особенно острые ощущения от восприятия Мира и Человека.

Невдалеке от хутора Кружилина находилось бывшее панское имение Ясеновка. Там много лет жила в услужении мать писателя, Анастасия Даниловна Черникова, дочь крепостного крестьянина из Черниговщины. Отец ее и после реформы 1861 года работал на помещика, был обременен большой семьей и никогда не выходил из нужды. Анастасия Даниловна рано лишилась родителей, с двенадцати лет пошла «в люди» и до самого замужества служила горничной у старой вдовой помещицы. Самобытная, малограмотная женщина (грамоте она выучилась тогда, когда Михаил поступил в гимназию, чтобы самостоятельно писать сыну и читать его письма) наделена была от природы острым умом, живой, образной речью, драгоценным даром творчества. Самое богатое, по словам А. С. Серафимовича, наследство — «наследство быть крупнейшим художником» — и подарила она своему сыну.

Отец писателя, Александр Михайлович Шолохов, выходец из Рязанской губернии. Еще подростком пришел из Зарайска дед писателя — Михаил Михайлович и осел в Вешенской, женившись на купеческой дочке Марии Васильевне Моховой, оброс большой семьей. В девичестве жила в Вешенской и Анастасия Даниловна, но ее насильно выдали замуж за пожилого казака-атаманца. Вскоре выделился из семьи отца Александр Михайлович и добился своего: женился на рано овдовевшей Анастасии Даниловне. С молодых лет пришлось ему работать по найму, разделяя участь всех «иногородних» на Дону. Не имея права на собственный надел земли, он пошел по торговой части, часто менял профессии и кочевал с семьей по донским хуторам и станицам, участвовал в коммерческих предприятиях хуторского масштаба, служил приказчиком, был управляющим на паровой мельнице, а в советское время — заведующим Каргинской заготовительной конторой Донпродкома.

Впечатления детства и юности оказали большое влияние на формирование Михаила Шолохова как писателя. Безграничные просторы донских степей, зеленеющие берега величавого Дона навсегда вошли в его сердце. Он впитывал в себя родной говор, задушевные казачьи песни. Озорные игры на пыльных, поросших травой улицах родного хутора с ровесниками-казачатами, росшими без присмотра занятых в поле родителей, дни, проведенные в степи и на рыбалке под палящим солнцем на Чиру, покосы в займище, пахота, сев, уборка пшеницы, будни донских станиц и хуторов, быт казаков с их каждодневным трудом на земле и тяжкой военной службой — вот атмосфера, которая с детства окружала писателя, которой он дышал и в которой рос.

Значительная часть детства будущего писателя прошла на хуторе Каргине, куда семья Шолоховых переехала в 1909 году в связи с началом службы отца приказчиком у купца Левочкина. В станице и теперь сохранился дом, где жили Шолоховы, на площади — школа, в которой учился писатель. Плотный мальчик со светло-русыми вихрами, с бронзовым от загара лицом, с ясными глазами, он выделялся среди друзей-сверстников смышленостью, острой наблюдательностью.

Есть у Шолохова рассказ «Нахаленок», а в нем портрет семилетнего Мишки-«нахаленка»: «Мишка собой щуплый, волосы у него с весны были как лепестки цветущего подсолнечника, в июне солнце обожгло их жаром, взлохматило пегими вихрами; щеки, точно воробьиное яйцо, исконопатило веснушками, а нос от солнышка и постоянного купания в пруду облупился, потрескался шелухой. Одним хорош колченогий Мишка — глазами. Из узеньких прорезей высматривают они, голубые и плутовские, похожие на нерастаявшие крупинки речного льда». Для отца он — Минька, для матери — Минюшка, для деда — постреленыш, а для всех остальных — для соседок-пересудок, для ребятишек, для всей станицы — Мишка и «нахаленок». Родила его мать, не обвенчавшись с отцом, и «прозвище «нахаленок» язвой прилипло к Мишке».

Часто прибегал домой с невысохшими глазами, уязвленный этим обидным прозвищем, и мальчик Михаил Шолохов. Не раз, видно, как и Мишке из рассказа «Нахаленок», приходилось ему скрываться от нанесенных ребятами обид в колючей заросли конопли, и не раз солнце, заглядывая в глаза, «сушило на щеках слезы и ласково, как маманька, целовало его в рыжую вихрастую маковку».

«...В 1912 г. мой отец, Шолохов,— сообщает писатель в автобиографии,— усыновил меня (до этого был он не венчан с матерью), и я стал числиться — «сыном мещанина». За этими скупыми словами автобиографии стоит детство писателя, не только его радости, но и горькие дни.

В семье Шолоховых не жалели средств, чтобы дать единственному сыну хорошее образование. Александр Михайлович был человеком развитым, любил книгу и много читал. Рано потянулся к знаниям и Михаил. Уступая просьбам сына, родители начали учить его еще в дошкольном возрасте. В 1911 году он берет уроки у сельского учителя Тимофея Тимофеевича Мрыхина и за несколько месяцев овладевает письмом и счетом в пределах первого года обучения. В 1912 году Шолохов поступает в Каргинское приходское училище, в класс, который вел Михаил Григорьевич Копылов, впоследствии изображенный в «Тихом Доне» под своей фамилией. Вскоре Шолохов заболевает воспалением глаз, и летом 1914 года отец везет его в глазную лечебницу в Москву, в ту самую снегиревскую больницу, в которую попадает с фронта Григорий Мелехов. В это же время будущий писатель начинает учиться в подготовительном классе московской гимназии имени Григория Шелапутина, а с 1915 года перевелся в богучаровскую мужскую гимназию. Несколько месяцев учился еще и во вновь открытой вешенской гимназии, но завершить полный цикл гимназического обучения так и не довелось.

В эти годы Шолохов с увлечением читает книги русских и зарубежных писателей-классиков, до поздней ночи засиживается над страницами гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки», над рассказами Чехова, стихами и поэмами Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова. Особое впечатление произвели на юношу военные рассказы Льва Толстого. Отдавая предпочтение занятиям по русской истории и литературе, он и сам начинает пробовать силы в стихах и прозе, сочиняет рассказы на исторические темы, юмористические сценки, эпиграммы.

Наступила Великая Октябрьская социалистическая революция, а за нею и гражданская война, особенно ожесточенная на юге России. «Я в это время,— писал позже Шолохов,— учился в мужской гимназии в одном из уездных городов Воронежской губернии». Когда в июне 1918 года немецкая кавалерия вошла в тихий придонской городок Богучары, Шолохов был уже у отца, на хуторе Плешакове, что против Еланской станицы. Всего один штрих оставляет писатель об этом времени в автобиографии: «В годы гражданской войны был на Дону».

А Дон — кипел событиями, и на глазах юноши развертывалась острая классовая борьба, жестокие схватки белых и красных. С лета 1918 года на верхнем Дону взяли власть белоказаки. Был юный Шолохов и очевидцем вступления в самом начале 1919 года, как раз в районе хуторов Еланской станицы, частей Красной Армии, свидетелем вспыхнувшего ранней весной Вешенского восстания, жил на хуторе Рубежном и наблюдал паническое отступление в конце мая повстанцев, переправу их через Дон у хуторов Базки и Громченок, был в прифронтовой полосе, когда в сентябре на левобережье Дона вновь пришли красные войска. Вскоре через придонские хутора и станицы прошла волна наступления белых казаков, а к концу года, разгромленные под Воронежем, белые армии бежали и с верховьев Дона...

В 1920 году, во время окончательного установления со-

ветской власти на Дону, семья Шолоховых переселяется в станицу Каргинскую. Юный Шолохов участвует с оружием в руках в становлении советской власти на Дону. В его груди, по словам А. Серафимовича, «вспыхнула жажда битвы за счастье трудящихся, замученных. Вот почему он еще юношей... бился с кулаками в продотрядах. Вот почему он участвовал в борьбе с бандами. Вот почему в своих произведениях стал на сторону революционной бедноты».

Смело, энергично и безраздельно отдается Шолохов новой жизни. Сначала он участвует в переписи населения верхнечирских хуторов, работает учителем по ликвидации неграмотности среди взрослых на хуторе Латышеве, а с середины 1920 года — служащим (журналистом) Каргинского станичного Совета, потом некоторое время — учителем начальной школы. С осени 1921 года Шолохов — станичный статистик в Каргинской, а с января 1922 года — делопроизводитель заготовительной конторы Донпродкома № 32. После окончания в Ростове курсов налоговых инспекторов Донпродкома (февраль — апрель) Шолохов назначается в станицу Букановскую продовольственным инспектором.

В борьбе за хлеб молодежь станицы Каргинской играла большую роль: выпускали рукописную газету «Новый мир», читались доклады для населения о советском строительстве, ставились спектакли. Когда в Каргинскую пришел и расположился на мельничном подворье продовольственный отряд, Шолохов добровольцем вступил в него. Целыми днями ударные подгруппы колесили по хуторам — добывали хлеб. Ходил по дворам, составлял списки, проводил собрания, агитировал и Шолохов, а вечерами играл в станичном клубе. Очевидцы вспоминают: желающих попасть на спектакль, в котором он участвовал, было так много, что клуб не мог вместить всех. Особенно удавались юноше комические роли, обостряя ситуацию, он присочинял от себя, делал это остроумно и вызывал всеобщее одобрение и громкий смех благодарных станичных зрителей.

Ставили А. Н. Островского, А. П. Чехова, но пьес не хватало да и на бурлившую вокруг новую жизнь хотелось откликнуться. Вот и потянулся к перу Шолохов, стал сочинять пьесы, скрывая свое авторство. Одна из них, «Генерал Победоносцев», воспроизводила эпизод из гражданской войны на Дону — трусливое бегство белых и торжество красных воинов. В центре комедийной пьески «Необыкновенный день» стоял образ современного Митрофанушки, роль которого, как вспоминают очевидцы, уморительно играл сам автор. Материал для других пьес молодой писатель черпал из той же станичной действительности. Делая эти еще робкие литературные шаги, Шолохов ступал по «горячим следам» современности.

Поздней осенью 1920 года в верховьях Дона появились первые еще небольшие вооруженные банды. Классовые враги, используя тяжелое хозяйственное положение, создавшееся в стране после окончания гражданской войны, начали разжигать недовольство зажиточных казаков продразверсткой, оживилась деятельность контрреволюционных элементов, возникали кулацкие мятежи. Вспыхнул мятеж и неподалеку от Каргинской. Вступила в пределы округа многотысячная банда Махно. Бандиты заняли Каргинскую, зверски изрубили продкомиссара. Во время боя под хутором Коньковым бандиты взяли в плен Шолохова. Допрашивал его сам Нестор Махно, пригрозив юноше виселицей в случае новой встречи.

Тяжелым, засушливым и голодным оказался на Дону, как и в Поволжье, 1921 год. Одна за другой возникали в округе местные банды Федора Мелихова, Кондратьева, Макарова, прорывались из соседней Воронежской губернии бандитские отряды Маслакова, Курочкина, Колесникова... Особенно долго и жестоко зверствовала банда Якова Фомина, не раз занимавшая станицу Каргинскую и грабившая заготконтору № 32. Шолохов в это время плечом к плечу с коммунистами и комсомольцами боролся с бандами, «служил и мыкался по Донской земле» до тех пор, пока эти банды не были полностью разгромлены.

По хуторам шла молотьба. Жаркие были дни для продработников. В это время и налетела на станицу банда Фомина. Продработники, занятые своим делом, рассыпались по хуторам, каждый час им грозила опасность. «Мы в это время,— рассказывал друг детства и юности писателя Алексей Сивоволов,— были в Нижне-Яблоновском. Нас успели предупредить о налете банды, удалось уйти балкой на Верхне-Яблоновский. Доезжаем уже до хутора Топкая балка, а оттуда на двуколке выскакивает Михаил Шолохов. Оказывается, банда и на этот хутор налетела. Едва удалось нам унести на этот раз свои головы». С бандой Фомина еще не раз приходилось сталкиваться Шолохову. «...И бандиты гонялись за нами,— скупо вспоминает писатель об этом времени.— Все шло как положено. Приходилось бывать в разных переплетах, но за нынешними днями все это забывается».

Детство на Дону, годы первой мировой войны в обстановке гимназической жизни Москвы и Богучара, давшие новый запас впечатлений вместе со знаниями, почерпнутыми из книг, остро пережитая кровавая схватка ожесточенной на юге гражданской войны, непосредственное участие в необычайно сложной борьбе за становление советской власти в казачьих хуторах и станицах — все это не просто «долитературная биография» писателя, годы его детства и юности, а жизнь, прожитая с героями будущих книг. Здесь истоки творчества, его жизненная основа, определившая путь писателя к «Донским рассказам», а от них к «Тихому Дону» и «Поднятой целине».

Начало литературной деятельности

Еще на Дону не раз появлялось желание взяться за перо и рассказать о рождении новой жизни. В октябре 1922 года Шолохов приезжает в Москву с намерением продолжать учебу. Но поступить на рабфак, как он хотел, не удается. Тогда молодой человек в солдатской шинели, в серой казацкой папахе появляется на Малой Бронной, на бирже труда, и на вопрос о профессии гордо отвечает: «Продовольственный комиссар». Другой специальности у него не было. Усиленно занимаясь самообразованием, пришлось работать грузчиком, мостить мостовые в артели каменщиков, служить счетоводом на Красной Пресне, жить «на скудные средства, добытые временным трудом чернорабочего».

В это время и появилась, как вспоминал позже Шолохов, «настоящая тяга к литературной работе». Как и раньше, его тянуло к молодежи, к тем, кто славил новую жизнь и смело окунался в нее. Приход молодого писателя в только что созданную литературную группу «Молодая гвардия» не был случайным. Здесь собралась талантливая поэтическая молодежь, которая вслед за Маяковским училась будить «большевистского пафоса медь», агитировала за поэзию революционных будней (А. Жаров, А. Безыменский, М. Светлов и др.). В трудные нэповские дни «солнценосная» комсомольская поэзия молодогвардейцев стала выражением идей ведущих сил литературы. «Прозаическое крыло» молодогвардейцев также состояло из талантливых молодых людей (А. Веселый, В. Кудашев, М. Колосов, Г. Шубин, В. Герасимова). Близки были к этой группе Ю. Либединский и А. Фадеев. Однажды появился мало чем внешне приметный молодой человек. Это был Михаил Шолохов. В отличие от многих других новичков, он вел себя робко. Позже выяснилось, что прибыл он с Дона, поселился в Камергерском переулке (проезд МХАТа) у своего друга Василия Кудашева, заведующего литературным отделом «Журнала крестьянской молодежи». Вступив в конце 1923 года в литературную группу «Молодая гвардия», а в начале следующего года в РАПП, Шолохов начал жить активной литературной жизнью столицы.

«Жизнь наша была бурной, стремительной,— вспоминает М. Колосов.— Дни проходили в работе, а вечерами на Покровке, у себя в комнатах, мы занимались литературной учебой». И тогда на этих встречах «струились травы, шумел завод, пахло солнцем, комсомолом, Казиным и Всеволодом Ивановым». Одной из своих главных задач молодогвардейцы считали «студийные собеседования». В «колосовской комнатенке», как рассказывал по горячим следам Б. Рингов, кружок беллетристов плескался в своих и чужих произведениях: «Языки у всех звенели во рту, как в коло-

кольце. Разбор... Расчленение... Собирание «убитых воинов»... Сюжет... Прием письма... Уздечка на читателя... Снабжение Чеховым шло усиленно, полным карьером. Мы учились». Принимал участие в этих литературных студиях и совсем юный продовольственный комиссар с Дона Михаил Шолохов.

Первое такое занятие проходило в ноябре 1923 года. «После беседы «О сюжете» и разбора рассказа Чехова «Пересолил»,— вспоминает М. Колосов,— каждый из нас должен был написать рассказ «на обратный эффект». Наиболее прилежно это задание выполнил Шолохов. Его рассказ произвел на нас особое впечатление. Сюжет его до сих пор помню: секретарь волостного комсомольского комитета просит старика кучера проверить приехавшего из губкома агитатора по дороге в станицу, где этот агитатор должен выступать. Слишком щегольской был вид у представителя губкома комсомола. Смысл проверки был показателен для строгих нравов комсомольцев того времени. Среди агитаторов встречались и такие, которые не столько думали о том, чтобы просветить деревенскую молодежь, сколько «себя показать», произвести впечатление на сельских девчат... Старик кучер в дороге искушает агитатора, советует остановиться на хуторе, где у его кумы имеется самогон. Агитатор отмалчивается. Старик намекает, что на другом хуторе живет его родственница, которая лишь недавно вышла замуж, мужа взяли в Красную Армию, там можно заночевать. Агитатор продолжает молчать. Тогда кучер начинает ругать советскую власть: что это за власть такая, не может дегтем и овсом обеспечить... Тут и произошел «обратный эффект». Парень вскочил и, выхватив револьвер, заговорил: «Ах ты контрик! Покуда ты мне всякую стариковину городил, я не обращал внимания на твои пережитки, но раз ты нашу родную власть задел, будет тебе сейчас конец!» Кучер, подняв руки, едва сумел растолковать парню, что это он его «проверял»!»

Это был не только остросюжетный, но и сочный по языку рассказ, с запоминающимися лицами, благородный по замыслу. 19 сентября 1923 года читатели «Юношеской правды», развернув поутру свежий номер своей комсомольской газеты, прочли небольшой фельетон «Испытание» за подписью: «М. Шолохов». Это было первое выступление Шолохова в печати. Сюжет фельетона и лег, по всей вероятности, в основу рассказа, прочитанного на учебных занятиях молодогвардейцев.

Второй фельетон Шолохова — «Три» — посвящался рабфаку имени Покровского и был связан с контрастами нэпа. Простые, дышащие молодостью и здоровьем, упрямые и веселые парни изучают марксизм, готовятся быть стойкими бойцами за новое, хозяевами своего рабоче-крестьянского государства. Шолохов противопоставляет их не только тем, кто с презрением относится к новой жизни, но и тем, кого засосало мирное затишье, для кого героическая борьба минула, «как сладкий сон», кто стал обывателем.

В третьем фельетоне — «Ревизор» — Шолохов обращается к изображению родного Дона. «Истинное происшествие» происходит в станице Букановской. Комсомолец Кособугоров, рассеянность которого «достигла анекдотических размеров», командируется в эту станицу для работы среди батрачества. Перетрусивший, позеленевший от страха кассир кредитного товарищества принимает Кособугорова за ревизора. В конце фельетона недоразумение выясняется. Оказывается, Кособугоров по рассеянности надел на постоялом дворе лохматое пальто, которое принадлежало остановившемуся там ревизору.

Шолохов начинал свой путь в литературу изображением молодежи — рабфаковцев, комсомольцев, в среде которых он жил и на Дону, и по приезде в Москву. Уже первые его фельетоны шли от жизни, связь с ней он подчеркивал настойчиво. От фельетона к фельетону усиливается комическая струя. Юмор, ставший существенной особенностью таланта Шолохова-художника, проявляется в самом начале его творческого пути. С первых литературных опытов устанавливается связь с лучшими образцами русской классики. Молодой Шолохов учится у Чехова мастерству развертывания сюжета, краткости, логичности и цельности повествования. Знаменитая гоголевская комедия подсказывает структуру одноименного фельетона. Правда, в зрелом творчестве эти связи окажутся значительно глубже и в ином плане — в наследовании народной первоосновы творчества Гоголя. Требовались еще годы напряженной работы, прежде чем автор фельетонов о молодежи пришел к большому мастерству.

На пути к „Тихому Дону“

В конце 1924 года на страницах московской комсомольской газеты «Молодой ленинец» появился первый рассказ Шолохова «Родинка». Вскоре здесь была опубликована и повесть «Путь-дороженька». Часть рассказов печаталась в «Журнале крестьянской молодежи», многие другие — в «Комсомолии», «Смене», среди них и знаменитые рассказы: «Пастух», «Бахчевник», «Коловерть», «Жеребенок», «Лазоревая степь». В 1925 году Госиздат один за другим выпускает отдельными красочными книжками пять рассказов Шолохова («Двухмужняя», «Алешкино сердце», «Против черного знамени», «Нахаленок», «Красногвардейцы»). Большую помощь Шолохову оказывает известный в то время писатель Феоктист Березовский, а к М. Горькому в Сорренто доходят первые сведения о молодом талантливом рассказчике с тихого Дона.

Подготовив к печати сборник «Донских рассказов», Шолохов еще в рукописи познакомил с ним своего земляка А. С. Серафимовича. В конце 1925 года в Москве состоялась встреча писателей, положившая начало их многолетней дружбе. Серафимович с участием отнесся к своему «литературному крестнику», написал предисловие к «Донским рассказам», восторженно приветствуя молодого «желтоклювого орелика».

«Советская литература создавалась людьми такими, как мы,— говорил позже об этом времени А. Фадеев.— Когда по окончании гражданской войны мы стали сходиться из разных концов нашей необъятной Родины — партийные, а еще больше беспартийные молодые люди,— мы поражались тому, сколь общи наши биографии при разности индивидуальных судеб. Таков был путь Фурманова, автора книги «Чапаев»... Таков был путь более молодого и, может быть, более талантливого среди нас Шолохова... Мы входили в литературу волна за волной, нас было много. Мы приносили в литературу свой личный опыт жизни, свою индивидуальность. Нас объединяло ощущение нового мира как своего и любовь к нему».

В рассказах молодого Шолохова, созданных в 1923—1925 годах, реалистически зримо, с идейных позиций писателя нового мира, борьба за советскую власть на Дону предстала как сложный социальный процесс. Молодой писатель черпал материал из жизни донского казачества, пути исканий которого в революции оказались длительными и более сложными, чем пути значительной части крестьянства.

Шолохов шел по горячим, опаленным дыханием времени следам событий. Часть его рассказов связана с последними годами гражданской войны, но большинство их — об исходе этой войны, о борьбе с бандами и трудном становлении советской власти на Дону. Сборник «Донских рассказов» Шолохов открыл первым своим увидевшим свет рассказом — «Родинка» (1923), выдвинув уже этим на первый план одну из главных мыслей всей книги — острая классовая борьба размежевала не только Дон, станицу, хутор, но и казачьи семьи: одни защищают собственнические, сословные интересы, другие стоят на защите завоеваний революции. Командир эскадрона, восемнадцатилетний Николай Кошевой, сталкивается в бою с бандой, во главе которой — его отец. Юный Николка в суровых схватках со старым миром гибнет от руки отца — отец убивает сына и случайно узнает его по родинке.

Непримиримость классовой борьбы определяет пафос и второго сборника рассказов Шолохова «Лазоревая степь» (1926). Совершая экскурсы в годы гражданской войны, писатель вновь обращается к началу 20-х годов, ко времени своей молодости, начала активного участия в строительстве новой жизни на Дону. Многие рассказы связаны с финальными страницами «Тихого Дона», с годами, предшествовавшими событиям, воссозданным в «Поднятой целине». На этот раз Шолохов открывает книгу полемикой с теми писателями, от которых на литературных вечерах МАППа

можно «совершенно неожиданно узнать о том, что степной ковыль (не просто ковыль, а «седой ковыль») имеет свой особый запах», или услышать еще большую фальшь о том, как «в степях донских и кубанских умирали, захлебываясь напыщенными словами, красные бойцы». Шолохов не скрывает иронии, когда пишет о тех не нюхавших пороха писателях, что трогательно рассказывают «о гражданской войне, красноармейцах,— непременно «братишках», о пахучем седом ковыле, а потрясенная аудитория, преимущественно — милые девушки из школ второй ступени, щедро вознаграждают читающего восторженными аплодисментами».

Автор «Донских рассказов» воинственно защищает реалистические принципы, он — за правду в малейших деталях («На самом деле ковыль — поганая белобрысая трава. Вредная трава, без всякого запаха. По ней не гоняют гурты овец потому, что овцы гибнут от ковыльных остей, проникающих под кожу»). Борьба народа за свободу — тяжкая, суровая борьба, полная драматизма, трагических коллизий. Только обнажение глубинных корней народного героизма способно создать жизненно достоверную картину недавнего времени, характеры людей, «безобразно просто» умиравших в окопах, теперь полуразрушенных, поросших лебедой и подорожником. В них находят скромный приют станичные парни и девки и ведут немудреные разговоры о том, что «с Гришки Дуняха надысь высудила алименты, что Прохора опять прихватили с самогонкой, что Ванюра телка слопал, а страховку получил...» Затем Шолохов вновь вспоминает ложный, умилительный пафос литературного вечера и задает вопрос: «Ну, может ли ковыль после этого иметь какой-нибудь запах?»

Рассказ «Лазоревая степь» прочно связан с этой открытой авторской полемикой, убеждающей, что реалистическое изображение действительности лежит в самой основе творческого метода Шолохова, является его фундаментом. Писатель-реалист останавливает внимание на «облысевшем от солнечного жара бугре», заставляет видеть «сморщенные арбузные корки» под ногами истомленных жарой овец, вихляющих «захлюстанными курдюками», деда Захара, который рассказывает о страшной судьбе братьев-красногвардейцев Семена и Аникея, гордо защищавших розданные мужикам панские угодья. Нехотя докончил дед Захар свой рассказ: «Один Аникей живой остался через гордость свою... Аникею ноги отняли, ходит он теперя на руках, туловищу по земле тягает. С виду — веселый... Один раз лишь заприметил я... Весной трактор нашей коммуны землю пахал за казачьей гранью, а он увязался, поехал туда. Я овец пас неподалеку. Гляжу, полозит мой Аникей по пахоте. Думаю, что он будет делать? И вижу: оглянулся Аникей кругом, видит, людей вблизи нету, так он припал к земле лицом, глыбу, лемешами отвернутую, обнял, к себе жмет, руками гладит, целует... Двадцать пятый год ему, а землю сроду не придется пахать... Вот он и тоскует...»

За поселком «остались одни окопы, в каких наши мужики землю себе завоевывали», «растет в них трава да краснобыл степной», а вокруг дремлет в «дымчато-синих сумерках... лазоревая степь», «ковыль, белобрысый и напыщенный» надменно качает султанистыми метелками.

Автор «Донских рассказов» полемизирует здесь с упрощенным представлением о путях народа в революции и гражданской войне. Он несет в литературу жизненно трагические ситуации и человеческие судьбы, рассказывает о кровавых схватках минувшего времени, о трудных и противоречивых путях народа к новой жизни.

Шолохов вводил читателя в атмосферу острой классовой борьбы деревни, сопротивления косных сил и укрепления социалистических начал. В рассказе «Червоточина» вражда в кулацкой семье приводит к гибели младшего сына, комсомольца Степана. «Разлом» происходит не только внутри казачье-кулацкого хозяйства, не только в середняцкой среде, а и в семьях бедняков. Но если в кулацкой семье «выламывается» один человек — комсомолец Степан, то в рассказе «Коловерть» вся бедняцкая семья Крамсковых — и отец Пахомыч, и его сыновья Игнат и Григорий стоят на стороне советской власти, защищают ее с оружием в руках. Только третий сын Пахомыча, подъесаул Михаил, заражен сословной спесью и слепо служит «казачьей чести». В рассказе «Бахчевник» на стороне белогвардейцев остается лишь Анисим, комендант военно-полевого суда, а его сыновья Федор и Митька уходят к красным, за Дон.

Еще в рассказах молодой Шолохов стремился показать, что казачество не было некоей единой и безликой массой «душителей революции». Писатель, на глазах которого совершалось приобщение к «большой человеческой правде», видел, к а к проникали в среду его героев и находили в ней живой отклик идеи этой революционной правды («Бахчевник», «Путь-дороженька», «Смертный враг» и др.). Писатель повествует о том, как бедняцкое казачество целыми семьями переходило на сторону советской власти, было ее опорой в казачьем хуторе.

«...Через хутор,— читаем в рассказе «Смертный враг»,— словно кто борозду пропахал и разделил людей на две враждебных стороны. С одной — Ефим и хуторская беднота; с другой — Игнат с зятем-председателем, Влас, хозяин мельницы-водянки, человек пять богатеев и часть середняков». Герой этого рассказа, казак Ефим Озеров, сражался за красный Царицын. Теперь он отстаивает советскую власть на хуторе. Кулаки зверски расправляются с ним, но дело его непобедимо. «Попомни, Ефим,— вспоминает он перед смертью слова своего друга,— убьют тебя — двадцать новых Ефимов будет!..»

В схватках со старым миром выковывались характеры тех, кто участвовал в строительстве новой жизни, утверждал советскую власть на Дону, отдавал ей свои силы и даже жизнь. Это и бывший пастух, «смертный враг» кулаков, Ефим Озеров («Смертный враг»), и сирота Григорий, комсомолец, подхвативший дело Ефима («Пастух»), и секретарь комсомольской ячейки Петька Кремнев, идущий на самые трудные дела («Путь-дороженька»), и матрос Фома Коршунов («Нахаленок»), и продкомиссар Бодягин («Продкомиссар»), и командир красного эскадрона Николка Кошевой («Родинка»), и батрак Алешка Попов, и политком Синицын («Алешкино сердце»), и председатель качаловского коллектива Арсений Клюквин («Двухмужняя»).

Образы этих людей особенно привлекательны в рассказах молодого писателя. Он раскрывал не только драматизм той борьбы, в которой они участвовали, но и живые их человеческие качества. Герой рассказа «Нахаленок», матрос Фома Коршунов, участвовал в революции, встречался с Лениным. Теперь он «ставит» советскую власть в родной станице. Беззаветно преданный революционной нови человек предстает и в житейских буднях, и в мечтах своих, и в борьбе за их осуществление. Рядом с ним живой образ его маленького сына Мишатки, растущего с именем Ленина. Несмотря на свои малые годы, Мишатка активно участвует в борьбе, он — в горниле жестокой схватки, сообщает красноармейцам о налетевшей на станицу банде, о гибели отца. Победа сил, вызванных к жизни революцией, неизбежна, торжество нового мира неотвратимо, и Мишатка принимает эту революционную эстафету из рук своего отца.

Острота классовой борьбы на Дону, осложненная сословными предрассудками, напряженность схватки нового мира со старым предстают в рассказах одновременно с утверждением высокого гуманизма революционной борьбы. Герои Шолохова беспощадны в своей ненависти к врагу. Они несут в себе многообразные чувства, благородные качества людей, утверждающих мир новых человеческих отношений, неизбежность торжества справедливости и подлинной человечности.

Автор «Донских рассказов» обращается нередко к драматически напряженным, трагическим ситуациям, сложным характерам, по времени связанным с теми событиями, к которым писатель еще возвратится в третьей книге «Тихого Дона». Безжалостный талант большого художника обнажает суровые меты прошлого в душе таких людей, как Микишара и Харитон Турилин («Семейный человек», «Ветер»). В рассказе «Обида», завершающем цикл «Донских рассказов», молодого писателя опять привлекли не менее «жестокие обстоятельства» и ситуации. В голодную послевоенную осень вспахал Степан землю, но не засеял ее — нечем было. Всю зиму голодала семья, старуха, дети погибшего в гражданскую войну сына-красноармейца. Весной получил Степан семенную ссуду государства, но ночью, когда вез зерно со станции, напали и отобрали хлеб люди, скрывшие свои лица в башлыках. Опять нечем сеять Степану, гибнет «вспаханная, обманутая им земля», черная, распластанная трупом пахота. Вскоре пришла новая беда: ушли с покоса быки. Когда искал их Степан, встретил в степи и узнал одного из тех, кто оставил его без семян. Обидчик оказался таким же задавленным нуждой крестьянином. Он знает, что совершил преступление, понимает, что может быть жестоко наказан, просит прощения. Но Степан неумолим, он закалывает вилами того, кто оставил его семью без хлеба, и берет к себе его сына, совсем крохотного мальчонку, ставшего свидетелем расправы с отцом.

В исключительно драматической ситуации этого рассказа, в его трагическом накале чувствуется мужающий талант большого художника, развернувшийся в полной мере в «Тихом Доне». Шолохов выступает здесь против дикости, порожденной долгой войной и вечной нуждой крестьянина, против той «власти земли», которая убивала в нем все человеческое. Вместе с тем вспаханная, ждущая семени земля зовет к труду, к мирной жизни. Протестуя против всего того, что калечит души людей, Шолохов изображает своих героев на рубеже новых человеческих отношений — вступления в новое историческое время.

Едва ли не впервые в нашей литературе рассказы Шолохова раскрывали притягательную силу коллектива, его спайку, новые условия труда, помогавшие крестьянину вырастить урожай в засушливый послевоенный год. Герой рассказа «Двухмужняя» дед Артем, видя, как в коллективе «трактор черноземную целину кромсает глянцевитыми ломтями», говорит, предвосхищая Кондрата Майданникова: «Обидно мне до крови! Пятьдесят годов я на быка, а бык на меня работал... День пашешь, ночь — кормишь его, сну не видишь... Опять же в зиму худобу годуешь... А теперь как мне возможно это переносить?» Шолохов показывает, как рождалась в народе тяга к коллективному хозяйству, как объединялись бедняки в борьбе с темными силами деревни и искали еще не хоженые дороги к новой жизни.

В «Донских рассказах» поставлены многие из тех острых проблем, которые развернуты были и зрело решены писателем в «Тихом Доне» и «Поднятой целине». Конфликты и характеры, реалистическая образность рассказов напоены воздухом времени. Донские рассказы сыграли важную роль в творческом развитии Шолохова, но значение их выходит за пределы биографии писателя. Это был не только тот плацдарм, на котором оттачивалось мастерство, выковывались идейные убеждения, накапливались силы на подступах к эпическим полотнам. Молодой художник почти одновременно с Фурмановым, Серафимовичем, Фадеевым художественно зримо запечатлел особенности революционного времени, его типичные конфликты, расстановку классовых сил, образы тех, кто героически отстаивал победу революции, их духовное богатство, героизм, человечность, беззаветную преданность революционной нови.

Во время работы над рассказами Шолохов задумал большое произведение о Доне, о народе в революции. Писатель покидает Москву, возвращается в родные края и начинает работать над романом, теперь всемирно известным под названием «Тихий Дон».

Годы рождения эпопеи о народе и революции

Работе над четырехтомной эпопеей «Тихий Дон» Шолохов отдал пятнадцать лет жизни. Осенью 1925 года в станице Букановской он приступил к первоначальному варианту романа — «Донщина», работал над ним и в тесном казацком курене станицы Каргинской. «И писалось трудно,— вспоминал позже Шолохов,— и жилось трудно, но в общем писалось».

Судя по всему, в самом начале работы над романом писатель столкнулся с большими трудностями. Возникали и сомнения: под силу ли ему все это, верную ли дорогу избрал, с того ли начал и так ли строит повествование? Привлекала задача «показать казачество в революции», рассказать об истоках гражданской войны, о роли казачьих дивизий после февральской революции, особенно об участии их в подавлении революции, в корниловском путче — все это свидетельствует о том, что молодой писатель, приступив к работе над романом, не предполагал того, что его замысел выльется в эпическое повествование («первоначально я не мыслил так широко его развернуть») о народных судьбах в революции. Правда, писатель только начинал роман с описания корниловщины, с похода Корнилова на Петроград. Совсем не значит, что его замысел ограничивался этим. Роман поначалу был назвал «Донщина». Предполагалось, значит, показать участие казачества в бурных, развернувшихся непосредственно на Дону, революционных событиях.

Шолохов, как известно, не отбросил рукопись «Донщины», он лишь на время отложил написанные главы. После того, как была закончена первая книга «Тихого Дона» и время действия романа коснулось событий в Петрограде, корниловщины, писатель вернулся к «Донщине» и включил во вторую книгу «Тихого Дона» куски первого варианта романа.

А тогда, в конце 1926 года, Шолохов прекратил работу над «Донщиной» и приступил к созданию «более широкого романа», отодвинув начало повествования ко времени, предшествовавшему первой мировой войне.

Осенью писатель переезжает в станицу Вешенскую, навсегда поселяется здесь и связывает с ней всю свою творческую работу. Да и выбор этот был неслучайным — Вешенская оказалась в эпицентре событий, которые писатель пока еще только предполагал развернуть на страницах «Тихого Дона». Тут же вскоре он так опишет и станицу: «На пологом песчаном левобережье, над Доном, лежит станица Вешенская, старейшая из верховых донских станиц, перенесенная с места разоренной при Петре I Чигонацкой станицы, переименованная в Вешенскую. Вехой была когда-то по большому водному пути Воронеж — Азов.

Против станицы выгибается Дон кобаржиной татарского сагайдака, будто заворачивает вправо, и возле хутора Базки вновь величаво прямится, несет зеленоватые, просвечивающие голубизной воды мимо меловых отрогов правобережных гор, мимо сплошных с правой стороны хуторов, мимо редких с левой стороны станиц до моря, до синего Азовского...

Вешенская — вся в засыпи желтопесков. Невеселая, плешивая, без садов станица. На площади — старый, посеревший от времени собор, шесть улиц разложены вдоль по течению Дона. Там, где Дон, выгибаясь, уходит от станицы к Базкам, рукавом в заросли тополей, отходит озеро, шириной с Дон в мелководье. В конце озера кончается станица».

Здесь, в небольшом домике, затерявшемся среди белых казачьих куреней в конце одной из шести улиц, носящей теперь имя Шолохова, и были написаны первые книги «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Отсюда в поисках материала Шолохов ездил по донским хуторам и станицам, внимательно выслушивал старожилов, изучал казачью старину, выезжал в архивы Ростова и Москвы. Сама жизнь — живые люди, «материал и природа», как говорил писатель,— были под руками.

Это был первый, самый радостный, хотя и очень напряженный период работы над романом «Тихий Дон», период трудного перехода от первоначального замысла к эпическому повествованию о жизни народа и его судьбах в революции. Именно в это время вырисовывалась и фигура Григория Мелехова и становилась во всей силе ее эпического наполнения в центре романа о народе и революции, названного — «Тихий Дон». В это же время рождался образ «тихого Дона», вынесенный в название романа и в его песенные, заимствованные у самого народа, эпиграфы:

Не сохами-то славная землюшка наша распахана...
Распахана наша землюшка лошадиными копытами,
А засеяна славная землюшка казацкими головами,
Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами,
Цветен наш батюшка тихий Дон сиротами,
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими,
материнскими слезами.

Отрицательные параллелизмы этой старинной казачьей песни концентрируют внимание на утверждающей части параллели. Постоянные слова «землюшка», «батюшка» впитали в себя не только любовь народа к своему краю, но и жалобы его на тяжкую казачью долю. Эпитет «тихий» приобретает контрастный смысл в сравнении с бурными событиями, происходящими на Дону. Грустный строй песни напоминает плач народа о родине своей. Далеко не так

О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством.

М. Шолохов

Я родился на Дону, рос там, учился, формировался как человек и писатель и воспитывался как член нашей великой Коммунистической партии. И, будучи патриотом своей великой, могущественной родины, с гордостью говорю, что являюсь и патриотом своего родного Донского края.

М. Шолохов

Вверху: ХУТОР КРУЖИЛИН.
Дом, в котором родился М. А. Шолохов.
Ныне Дом-музей М. А. Шолохова.
Фото Г. Я. Сивоволова.
ТИМОФЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ МРЫХИН —
первый учитель М. А. Шолохова.
Фото В. С. Молчанова.

Внизу: СТАНИЦА КАРГИНСКАЯ.
Школа, в которой учился М. А. Шолохов.
Фото Г. Я. Сивоволова.

РОДИТЕЛИ М. А. ШОЛОХОВА:
АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ
И АНАСТАСИЯ ДАНИЛОВНА
ШОЛОХОВЫ
С М. А. ШОЛОХОВЫМ-ГИМНАЗИСТОМ.

М. А. Шолохов (справа) — ученик 1-го класса Московской мужской гимназии.

ЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ,
ГДЕ УЧИЛСЯ М. А. ШОЛОХОВ.

ГОРОД БОГУЧАР, УЛИЦА ПРОКОПЕНКО
(бывшая 2-я Мещанская),
дом, где жил М. А. Шолохов в 1915—1918 гг.
ГОРОД БОГУЧАР,
мужская гимназия,
где учился М. А. Шолохов.
СТАНИЦА КАРГИНСКАЯ.
Дом, в котором жила
семья Шолоховых в 20-е годы.
Фото Г. Я. Сивоволова.

МИХАИЛ ШОЛОХОВ
В ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ.

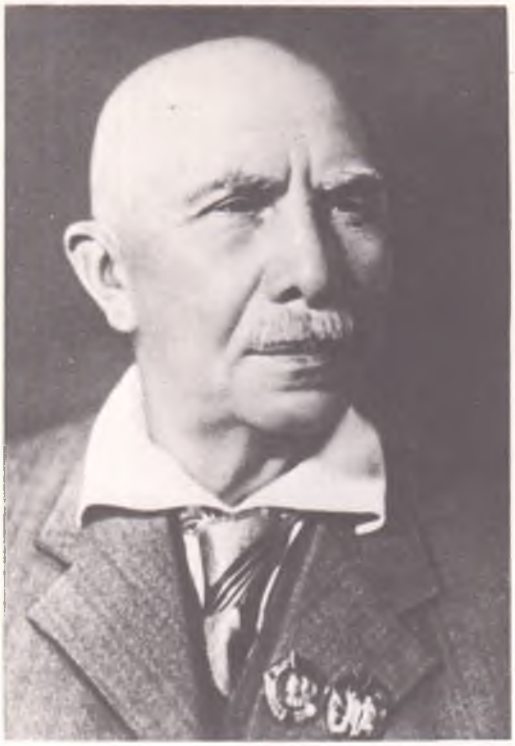
М. А. ШОЛОХОВ *(в центре)*
с товарищами
по станице Каргинской.
1929 г.

М. А. ШОЛОХОВ — *сотрудник журнала «Комсомолия». 1925 г.*

МОЛОДЕЖНЫЕ ЖУРНАЛЫ, В КОТОРЫХ ПЕЧАТАЛСЯ М. А. ШОЛОХОВ В 1925—1926 гг.

Как степной цветок, живым пятном встают рассказы тов. Шолохова.
Просто, ярко, и рассказываемое чувствуешь — перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество...

А. Серафимович.
Из предисловия
к «Донским рассказам».
1925 г.



А. С. СЕРАФИМОВИЧ.

«ДОНСКИЕ РАССКАЗЫ».
Обложка первого издания, вышедшего с предисловием А. С. Серафимовича.

РАССКАЗ «СМЕРТНЫЙ ВРАГ». (1925 г.)
КУЛАК ИГНАТ И ЕФИМ ОЗЕРОВ.
Рисунок П. Пинкисевича.

СТАНИЦА ВЕШЕНСКАЯ.

М. А. ШОЛОХОВ ЗА РАБОТОЙ НАД РОМАНОМ «ТИХИЙ ДОН».

ВЕШЕНСКАЯ. ДОМ, В КОТОРОМ СОЗДАВАЛИСЬ ПЕРВЫЕ КНИГИ РОМАНА «ТИХИЙ ДОН».
Фото В. С. Молчанова

КАЗАКИ В РАЗВЕДКЕ. 1915 г.

КАЗАК ХАРЛАМПИЙ ЕРМАКОВ — ПРОТОТИП ГРИГОРИЯ МЕЛЕХОВА.

Больше всего нужно для писателя, ему самому — передать движение души человека. Я хотел рассказать об этом очаровании человека в Григории Мелехове...

М. Шолохов.

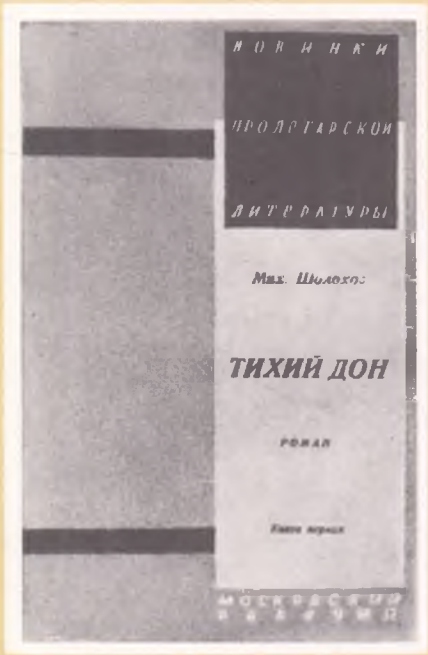
М. В. КРИВОШЛЫКОВ — *член ревкома.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КАЗАЧЬЕГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА НА ДОНУ ФЕДОР ПОДТЕЛКОВ.

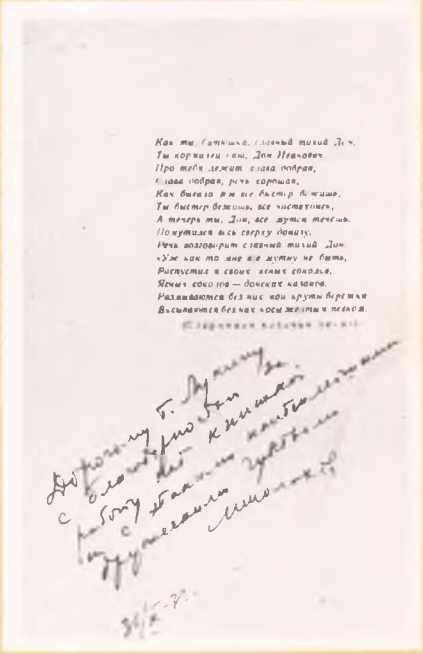
М. А. ШОЛОХОВ В ГОДЫ РАБОТЫ НАД ПЕРВОЙ КНИГОЙ «ТИХОГО ДОНА»

...РОМАН ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» — ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ ПО ШИРОТЕ КАРТИН, ЗНАНИЮ ЖИЗНИ И ЛЮДЕЙ, ПО ГОРЕЧИ СВОЕЙ ФАБУЛЫ.

А. Луначарский,
«Литературный год». 1929 г.



ОБЛОЖКА ЖУРНАЛА, В КОТОРОМ ПЕЧАТАЛСЯ РОМАН «ТИХИЙ ДОН».



Шолохов,— судя по первому тому,— талантлив... каждый год выдвигает все более талантливых людей. Вот это — радость. Очень, анафемски, талантлива Русь.

М. Горький. 1928 г.

А. М. ГОРЬКИЙ.

Справа налево: М. А. ШОЛОХОВ, АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ И В. КУДАШЕВ В БЕРЛИНЕ. 1930 г.

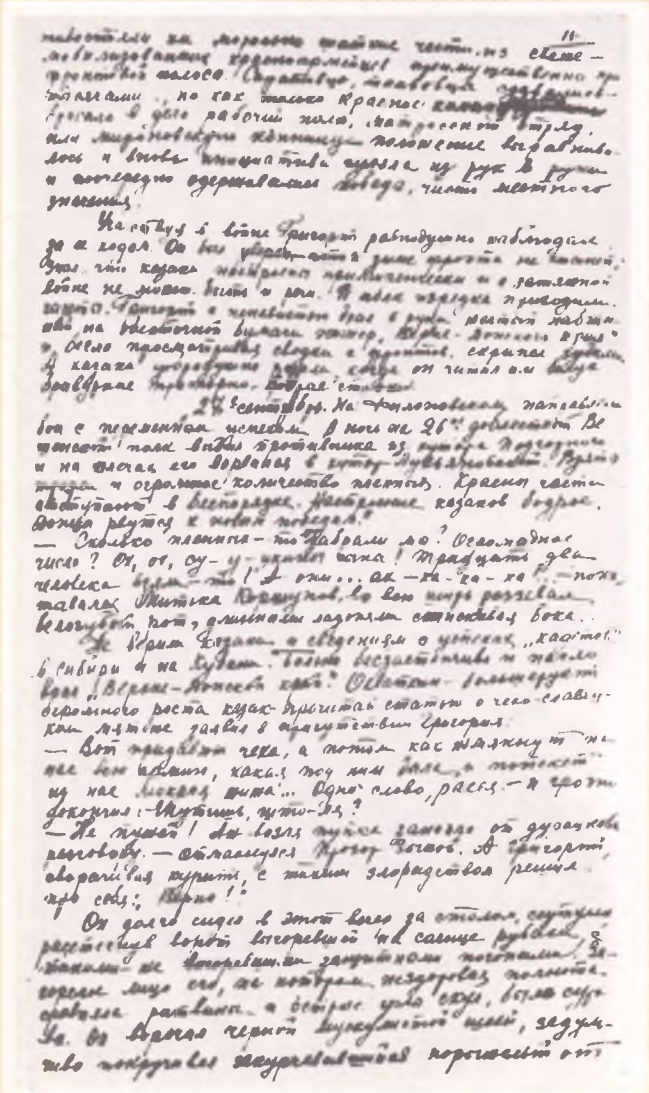
М. А. ШОЛОХОВ СО СТАНИЧНИКАМИ.

Вверху:
М. А. ШОЛОХОВ ВЫСТУПАЕТ
ПЕРЕД ИЗБИРАТЕЛЯМИ ГОРОДА НОВОЧЕРКАССКА.
Ноябрь, 1937 г.

М. А. ШОЛОХОВ ЧИТАЕТ ОТРЫВОК
ИЗ РОМАНА «ТИХИЙ ДОН»
в рабочем клубе завода «Красный богатырь».
Москва, 1929 г.

М. ШОЛОХОВ, А. ФАДЕЕВ, Г. БАЙДУКОВ,
А. ПРОКОФЬЕВ, М. ВОДОПЬЯНОВ
на XVIII съезде партии.
Март, 1939 г.

М. А. ШОЛОХОВ С ЖЕНОЙ МАРИЕЙ ПЕТРОВНОЙ
И ДЕТЬМИ — СВЕТЛАНОЙ, АЛЕКСАНДРОМ,
МИХАИЛОМ И МАРИЕЙ. 1940 г.



Это было все, что осталось у него в жизни. Что пока еще поднимало его с землей и со всем этим огромным, плывущим над колодами солнцем миром.

Конец

М. А. ШОЛОХОВ В СВОЕМ РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ.
Вешенская. 1931 г.

СТАНИЦА ВЕШЕНСКАЯ.
Дом, в котором М. А. Шолохов завершил работу над «Тихим Доном». Фотография 1936 г.

СТРАНИЦА БЕЛОВОЙ РУКОПИСИ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ РОМАНА «ТИХИЙ ДОН».

ПОСЛЕДНИЕ СТРОКИ РУКОПИСИ РОМАНА «ТИХИЙ ДОН».

В «ТИХОМ ДОНЕ» ОН РАЗВЕРНУЛ ЭПИЧЕСКОЕ, НАСЫЩЕННОЕ ЗАПАХАМИ ЗЕМЛИ, ЖИВОПИСНОЕ ПОЛОТНО ИЗ ЖИЗНИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА. НО ЭТО НЕ ОГРАНИЧИВАЕТ ТЕМУ РОМАНА: «ТИХИЙ ДОН» ПО ЯЗЫКУ, СЕРДЕЧНОСТИ, ЧЕЛОВЕЧНОСТИ, ПЛАСТИЧНОСТИ — ПРОИЗВЕДЕНИЕ ОБЩЕРУССКОЕ, НАЦИОНАЛЬНОЕ, НАРОДНОЕ.

Алексей Толстой. 18 ноября 1942 года.

У «ХУТОРА ТАТАРСКОГО». *Фото Ю. Лукина.*

ДВЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ХУДОЖНИКА О. ВЕРЕЙСКОГО К РОМАНУ М. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН».

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА «ТИХИЙ ДОН».
Сценарий и постановка С. Герасимова. 1957 г.
ГРИГОРИЙ — *артист П. Глебов.*
АКСИНЬЯ — *артистка Э. Быстрицкая.*

Мих. ШОЛОХОВ

ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

ФЕДЕРАЦИЯ • МОСКВА • 1932

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ М. ГОРЬКОМУ. *Личная библиотека Горького.*

М. А. ШОЛОХОВ В ГОДЫ РАБОТЫ НАД ПЕРВОЙ КНИГОЙ РОМАНА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА». 1930 г.

М. А. ШОЛОХОВ НА ЛЕНЗАВОДЕ. 1934 г.

ПРОТОТИПЫ ГЕРОЕВ «ПОДНЯТОЙ ЦЕЛИНЫ» — *бывший двадцатипятитысячник А. А. Плоткин и одна из первых колхозниц А. П. Чумакова, живущие на хуторе Лебяжьем.*

ДАВЫДОВ.
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КОНФИСКОВАННОЙ
КУЛАЦКОЙ ОДЕЖДЫ.
Рисунки А. Лаптева.

ДАВЫДОВ, АНЮТКА
И КОНДРАТ МАЙДАННИКОВ НА ПАХОТЕ.
Иллюстрации А. Слепкова.

Фашистским правителям, основательно позабывшим историю, стоило бы вспомнить о том, что в прошлом русский народ громил немецкие полчища, беспощадно пресекая их движение на восток, и что ключи от Берлина уже бывали в руках русских военачальников.

Но на этот раз мы их побьем так, как еще никогда не бивали, и на штыках победоносной Красной Армии принесем свободу порабощенной Европе.

М. Шолохов. 23 июня 1941 г.

М. А. ШОЛОХОВ В 1941 ГОДУ.

ОБЛОЖКИ КНИГ М. А. ШОЛОХОВА, ИЗДАННЫХ В ГОДЫ ВОЙНЫ.

ПОЛКОВОЙ КОМИССАР М. А. ШОЛОХОВ СРЕДИ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ.

М. А. ШОЛОХОВ, А. А. ФАДЕЕВ, И. С. КОНЕВ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ. 1941 г.

М. А. ШОЛОХОВ С ДОЧЕРЬЮ МАШЕЙ И СЫНОМ МИХАИЛОМ.

М. А. ШОЛОХОВ ВЫСТУПАЕТ С РЕЧЬЮ НА II СЪЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.
Декабрь, 1954 г.

М. А. ШОЛОХОВ ЗА РАБОТОЙ.
Фото Я. Рюмкина. 1960 г.

ПРИСВОЕНИЕ ВЫСОКОГО ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА М. А. ШОЛОХОВУ И Л. М. ЛЕОНОВУ.
1967 г.

М. А. ШОЛОХОВ БЕСЕДУЕТ С ПАСТУХАМИ В ПРИВОЛЖСКОЙ СТЕПИ.

Пусть книга («Судьба человека») попадет на книжные полки, чтобы всегда быть под рукой читателя, пусть она всегда напоминает ему о силе духа, о высоких моральных качествах советского человека.

Газета «Де ваархейд» (Голландия).

«Судьба человека». Андрей Соколов. *Иллюстрация О. Верейского.*

М. А. Шолохов читает работникам «Правды» рукопись рассказа «Судьба человека». *Декабрь, 1956 г.*

МЕДАЛЬ ЛАУРЕАТА
НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ.

М. А. ШОЛОХОВ В КОСТЮМЕ
ДОКТОРА ПРАВА
СЕНТ-ЭНДРЮССКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

КОРОЛЬ ШВЕЦИИ ГУСТАВ АДОЛЬФ
ПОЗДРАВЛЯЕТ ЛАУРЕАТА.

КНИГИ М. А. ШОЛОХОВА
ИЗДАНЫ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ МИРА.

РАЗГОВОР С В. М. ШУКШИНЫМ.

ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ НАД РОМАНОМ «ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ» *М. А. Шолохов встречался с бывшим командующим армией генерал-лейтенантом М. Ф. Лукиным.*

М. А. ШОЛОХОВ И Ю. А. ГАГАРИН.

М. А. ШОЛОХОВ С ЖЕНОЙ И ДОЧЕРЬЮ МАШЕЙ.

«МИХАИЛ ШОЛОХОВ».
Скульптор Е. Вутетич.

Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждали любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества.

Михаил Шолохов.

ВЕЛИЧИЕ ШОЛОХОВА ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ЕГО ЭПИЧЕСКОМ ТАЛАНТЕ, В ЕГО ПРАВДИВОСТИ. У НЕГО ТО ЖЕ СПОКОЙНОЕ ДЫХАНИЕ, ЧТО И У ЛЬВА ТОЛСТОГО В «ВОЙНЕ И МИРЕ»...

Ханс Кирк, датский писатель. 1947 г.

СРЕДИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ШОЛОХОВ — ОДНА ИЗ ЯРЧАЙШИХ ФИГУР, КРУПНЫЙ ХУДОЖНИК, ПОДЛИННЫЙ ГУМАНИСТ. ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ТИХИЙ ДОН», «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» УЖЕ СЕГОДНЯ ПРИНАДЛЕЖАТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

Вилли Бредель, немецкий писатель. 1955 г.

МОГИЛА М. А. ШОЛОХОВА.
Фото Г. Я. Сивоволова. Июнь. 1984 г.

уж мирно и вольно жилось на Дону,— горька жизнь безутешных вдов и сирот, солоны отцовские и материнские слезы.

Старинная казачья песня настораживает, настраивает отнюдь не на благостное восприятие мирного быта и нравов тихого Дона, отнюдь не на «экзотические» «картинки» и «сценки», а на восприятие полных драматизма судеб народных.

Острота социальных потрясений в годы, охваченные повествованием, еще отчетливее обнажается вторым эпиграфом ко всей эпопее:

Ой ты, наш батюшка тихий Дон!
Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехонек течешь?
Ах, как мне, тихому Дону, не мутну течи!
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют,
Посередь меня, тиха Дона, бела рыбица мутит.

Эпиграф этот — начало старинной казачьей песни семейно-бытового характера. Писатель заимствует из нее лишь ту часть, которая становится основой для социальных обобщений. Образ взмутившейся реки в народной лирике — символ тревоги, волнений, вызванных большими событиями в личной и общественной жизни. Этот образ по смысловому наполнению очень близок к образу ветра, особенно часто употребляемому в народной поэзии, а вслед за нею и в советской литературе 20-х годов.

Шолохов обычно не вмешивался в толкование своих замыслов и все-таки вынужден был позже разъяснить смысл романа, обращая внимание прежде всего на «те колоссальные сдвиги в быту, жизни и человеческой психологии, которые произошли в результате войны и революции». «В мою задачу входит... показать различные социальные слои населения на Дону за время двух войн и революции...» Вставала перед писателем и еще одна важная, по его словам, задача: «...проследить за трагической судьбой отдельных людей, попавших в мощный водоворот событий, происходивших в 1914—1921 годах». Шолохов, как видно, с самого начала работы над «Тихим Доном» не отрывал трагическую судьбу Григория Мелехова от других творческих задач, от эпической темы народных судеб в революции.

К реализации этих замыслов писатель обратился, по его словам, «примерно с конца 1926 года». К сожалению, свидетельства того времени о работе над первой и второй книгами романа почти не появлялись в печати. Самое раннее по времени свидетельство об этой работе — признание писателя, сделанное им в автобиографии начала 30-х годов: «В 1925 году осенью стал было писать «Тихий Дон», но... бросил. Показалось — не под силу. Начал первоначально с 1917 г., с похода на Петроград генерала Корнилова. Через год взялся снова и, отступив, решил показать довоенное казачество». Трудно теперь точнее установить время завершения работы над первой книгой романа, есть сведения, что рукопись этой книги писатель привез в Москву в июне 1927 года. Во всяком случае, перерыва в работе над первой и второй книгами не было. Они и опубликованы были одна за другой на страницах журнала «Октябрь», начиная с январского номера за 1928 год.

Самыми, пожалуй, тяжелыми, но и плодотворными на творческом пути Шолохова оказались 1929—1931 годы. Все это время было отдано созданию третьей, кульминационной в структуре всей эпопеи, книги «Тихого Дона». Печатание этой книги, начатое в журнале «Октябрь» еще в 1929 году, несколько раз обрывалось и продолжалось с большими затруднениями. В самом начале 1930 года Шолохову предлагали такие сокращения и исправления, какие для него были неприемлемы. Мало того, некоторые «ортодоксальные вожди» РАППа обвинили писателя в том, что он будто бы оправдывает в третьей книге «Тихого Дона» Верхне-Донское восстание. Работа над романом осложнялась тем, что вспыхнувшее в тылу наступающей Красной Армии восстание необходимо было изобразить изнутри, мотивировав и его возникновение, и логику поведения в нем героев («Я описываю борьбу белых с красными, а не борьбу красных с белыми»). В этом и была та «большая трудность», которую совершенно отчетливо осознавал писатель, стремившийся художественно крупно раскрыть и сложнейшие противоречия гражданской войны, и трагические судьбы людей в этой войне.

Большая смелость художника, шедшего по самым горячим следам только что минувших событий (от изображаемого времени писатель был отделен всего одним десятилетием!), могла быть и не понята современниками, как это, в сущности, и случилось. Вот почему так необходима была тщательная мотивировка причин изображаемого восстания. Вот почему писателя волновал вопрос, который он так настойчиво задавал Горькому: «Своевременно ли писать об этих вещах?» Правда, для себя он уже ответил на этот вопрос утвердительно. События коллективизации деревни вновь убеждали Шолохова в его правоте: «...вопрос об отношении к среднему крестьянству еще долго будет стоять перед нами, и перед коммунистами тех стран, какие пойдут дорогой нашей революции. Прошлогодняя история с коллективизацией и с перегибами, в какой-то мере аналогичными перегибам 1919 года, подтверждает это».

Именно в это время, выступая перед своими читателями на конференции «Роман-газеты», Шолохов указывал на подлинный историзм фигуры центрального героя романа: «Естественно, Григорий Мелехов, в моем мнении, является своеобразным символом середняцкого донского казачества. Тот, кто знает историю гражданской войны на Дону, кто знает ее ход, знает, что не один Григорий Мелехов и не десятки Григориев Мелеховых шатались до 1920 года, пока этим шатаниям не был положен предел. Я беру Григория таким, каков он есть, таким, каким он был на самом деле, поэтому он шаток у меня, но от исторической правды мне отходить не хочется». На образ Григория в третьей книге романа ложится основная идейно-композиционная нагрузка. Теперь почти все события проходят через него, призванного выразить не только искания отдельной личности, но и сложные пути многих людей в революции и гражданской войне.

В это же время рождался замысел нового романа «Поднятая целина», в котором с новой силой вставал все тот же «проклятый вопрос» — «вопрос об отношении к среднему крестьянству». Шолохов ищет поддержки у своих учителей, старших товарищей по перу. В сентябре 1930 года он едет к А. Серафимовичу, жившему по соседству, в Усть-Медведицкой, а затем, уже в разгар работы над «Поднятой целиной», принимает его у себя в Вешенской. Летом 1929 года состоялись под Москвой первые встречи с М. Горьким, а зимой 1930 года, получив его приглашение, Шолохов впервые отправляется за границу в обществе близких ему литераторов Артема Веселого и Василия Кудашева. Однако проехать в Сорренто на этот раз не удалось. Просидев несколько недель в Берлине, советские писатели так и не дождались от фашистского правительства Муссолини визы на въезд в Италию. «У нас шла коллективизация,— вспоминал Шолохов о том времени,— и не сиделось в Берлине. Интересно было видеть, что делается сейчас дома, на Дону». Возвратившись, писатель с головой окунулся в эти события, связанные с колхозным строительством на Дону. Вскоре в районе не оказалось ни одного колхоза, в котором он ни побывал бы. Все больше вникая в общественные дела, Шолохов вместе в вешенскими «районщиками» (так называл он партийных работников этого звена) вникает в сложности коллективизации своего Северо-Кавказского края. В это же время писатель участвует в строительстве и благоустройстве станицы. В Вешенской с его помощью появляется телефон, проводится радио, открывается педагогическое училище, а несколько позже — казачий театр. Ведется борьба с наступавшими на станицу желтопесками. Шолохов начинает сотрудничать в газете «Правда» как ее специальный корреспондент и публикует на ее страницах статьи и очерки о жизни тех лет на Дону. «Обновлялась жизнь,— писал позже Шолохов,— обновлялся Дон и его обитатели — люди трудолюбивые, упорные, с характером. Часть этой жизни, этого обновления — в моих произведениях. И, будучи патриотом своей могущественной Родины, с гордостью говорю, что являюсь и патриотом своего родного донского края».

В 1932 году завершается на страницах журнала «Октябрь» публикация третьей книги «Тихого Дона». Одновременно с нею в журнале «Новый мир» печатается первая книга романа «Поднятая целина». В этом же году Шолохов вступает в ряды Коммунистической партии. Шире и разностороннее становится деятельность писателя-коммуниста. Он принимает самое живое участие в работе районной партийной организации, избирается в члены Ростовского крайисполкома, по-прежнему отдавая много сил развитию сельского хозяйства и повышению культуры колхозов своего Вешенского района.

Потянулись к писателю и ходоки из самых отдаленных хуторов верхнего Дона, шли за советом и помощью, видя в нем защитника своих интересов. Продолжая работать

над второй книгой «Поднятой целины», Шолохов принимал самое непосредственное участие в борьбе с перегибами в колхозном движении, с грубыми политическими ошибками бывшего руководства Азово-Черноморского края. Писатель вступает в открытую борьбу с «преступной бесхозяйственностью», с творившимися на Дону беззакониями. 16 апреля 1933 года он обратился к И. В. Сталину с письмом, просил присмотреться к тому, что происходит в районах верхнего Дона, «расследовать не только дела тех, кто издевается над колхозниками и над Советской властью, но и дела тех, чья рука их направляла». В напряженной борьбе с перегибами в колхозном движении Шолохов проявил не только большое гражданское мужество и политическую зоркость.

Это была борьба за социалистическую справедливость, за торжество истинного гуманизма. И художник-коммунист, отложив в сторону рукописи неоконченных книг, не жалел сил в этой борьбе.

А. Серафимович, гостивший у своего земляка, рассказывает, что Шолохову приходилось работать над книгами только по ночам: «Привычку эту создают посетители, которые валом валят к писателю. Тут казачки, колхозники, рабочие, командиры, студенты, туристы, иностранцы, старухи, дети, журналисты, писатели, музыканты, поэты, композиторы — все едут на машинах, на лошадях, верхом, на лодках, на пароходе, летят на самолетах. И всех Шолохов ласково принимает, поговорит, разъяснит, поможет, направит».

Высоким доверием народа было избрание Шолохова в 1937 году депутатом Верховного Совета СССР. В 1939 году Советское правительство за выдающиеся успехи и достижения в развитии художественной литературы наградило писателя орденом Ленина, а советские академики избрали его действительным членом Академии наук СССР.

Горячо боролся Шолохов за утверждение социалистического реализма в литературе. Он поддерживал тесные творческие связи с М. Горьким, А. Серафимовичем, А. Фадеевым, А. Толстым, Н. Островским и другими крупнейшими советскими писателями, принимал участие в дискуссии о языке художественной литературы, в работе Первого съезда советских писателей, в выработке его решений, был избран в состав первого Правления Союза советских писателей, а затем в бюро и президиум Международной ассоциации писателей в защиту культуры.

В конце 1934 года Шолохов совершил большую поездку за границу. Будучи в Швеции, Дании, Англии, Франции, писатель разоблачал клевету буржуазной печати о Советском Союзе, рассказывал об успехах своей Родины, призывал к борьбе с угрозой фашизма. «Своими прекрасными произведениями и своей поездкой в зарубежные страны,— писал об этом А. Серафимович,— Шолохов сослужил большую службу народам СССР. Он хорошо поработал над уничтожением той неправды и лжи, которой оплетает буржуазная печать своего зарубежного читателя».

Широкий диапазон общественной деятельности писателя, активное участие в социалистическом строительстве, в борьбе народов против фашизма — все это помогало глубже осмыслять и правдивее показывать в своих книгах пути народа к социализму.

Одно время Шолохов, по его словам, «почти одновременно работал над четвертой книгой «Тихого Дона» и второй книгой «Поднятой целины», но уже в начале 1934 года писатель считал, что «окончанию второй части «Поднятой целины» помешала работа над последней книгой «Тихого Дона», охватившей насыщенный большими событиями отрезок времени — с лета 1919 года по весну 1922 года. «Вместить такое обилие материала в одной книге,— рассказывал Шолохов в начале 1935 года,— как вы сами понимаете,— трудновато. Этим и объясняются тугие темпы, при которых книга пишется. Давно я сижу над ней. Были мысли увеличить роман еще на одну книгу, но я их оставил. Нужно кончать роман...»

Шолохов намеревался показать в седьмой части романа «окончательный разгром белого движения на Дону». «После разгрома белого движения на юге и конца вооруженной борьбы на Дону казак Мелехов попадает в Красную Армию и в рядах Первой Конной совершит поход на польский фронт». Сообщая о том, что Григорий «еще побывает в банде», писатель предупреждал: «У Мелехова очень индивидуальная судьба, и в нем я никак не пытаюсь олицетворить середняцкое казачество. От белых я его, конечно, оторву, но в большевика превращать не буду. Не большевик он! Из большевиков в четвертой книге выделится Михаил Кошевой».

С особой настойчивостью реализовал теперь писатель мысль об индивидуальности судьбы своего героя. Кажется, почти все близкие Григорию люди считают своим долгом напомнить об особенностях его характера («весь в кочках, и ни одну нельзя тронуть», «необузданный», «отчаянный», «непутевый»). Для автора это человек, в котором «словно что-то сломалось» и «снова со всей беспощадностью встали перед ним прежние противоречия». Герой «Тихого Дона» все глубже осознает, что белое движение должно быть разгромлено («Как набьют нам, так и кончится»). Отрывая его от белых, Шолохов выдвигает на первый план враждебное отношение своего героя к офицерству, ненависть к белым генералам, к интервентам, сыновнюю любовь к своей Родине. Голос автора в седьмой части романа все чаще обретает взволнованные интонации. Автор разделяет чувства и переживания своих героев, проникается участием и тревогой за их судьбу.

Возросшая взыскательность к своей работе, зрелое понимание истории художником, достигшим всемирной известности, требовали особенно тщательной работы над той частью романа, которая сводила воедино написанные ранее книги, подводила итог его многолетнему труду. Седьмая и восьмая части романа в процессе создания перерабатывались неоднократно, тщательно шлифовалась каждая строка. «Сейчас я работаю,— сообщал писатель в октябре 1938 года,— над восьмой, заключительной частью романа «Тихий Дон». Наполовину эта работа уже закончена».

Последние месяцы работы над «Тихим Доном» Шолохов отказывал себе в отдыхе, даже в самых любимых занятиях — рыбной ловле и охоте. До самого рассвета жители Вешенской видели свет в окне мезонина шолоховского дома, где помещался рабочий кабинет писателя. Наконец «Тихий Дон» был закончен. Это было в самом конце декабря 1939 года. В эти дни, когда на столе писателя лежала готовая рукопись романа, состоялась встреча Шолохова с молодым писателем Анатолием Калининым. Глядя в окно, Шолохов говорил: «...Всем хочется хорошего конца. А если, скажем, конец будет пасмурным». Шолохов оборачивается и вопросительно смотрит на собеседника.

— Ну, а все-таки, что же будет с Григорием?..

— Кто знает...— Шолохов неопределенно улыбается.— Помните, Тарас Бульба сказал Андрию: «Я тебя породил, я тебя и убью».

Весной 1940 года последняя, завершающая эпопею часть была напечатана целиком в сдвоенном номере журнала «Новый мир». С громадным интересом весь мир встретил завершение многолетнего труда писателя над эпическим полотном.

„Тихий Дон“

Далекое прошлое вспоминается Серафимовичу, когда рассказывает он, как ехал однажды по степи, тонувшей в знойном сизом куреве:

«На кургане чернел орелик, чернел молодой орелик. Был он небольшой; взглядывая, поворачивал голову и желтеющий клюв.

Пыльная дорога извилисто добежала к самому кургану и поползла, огибая.

Тогда вдруг расширились крылья,— ахнул я... расширились громадные крылья. Орелик мягко отделился и, едва шевеля, поплыл над степью».

И рождается здесь емкий поэтический образ, полное большого смысла сравнение орелика желтоклювого, который «всего два-три года чернел... чуть приметной точечкой на литературном просторе», и молодого, мощно взмывшего

на художественные вершины писателя: «Вспомнил я синеюще-далекое, когда прочитал «Тихий Дон» Михаила Шолохова. Молодой орелик желтоклювый, а крылья размахнул».

Теперь этот образ восхищенного «Тихим Доном» писателя воплотился в памятник — «молодой орелик» в широком шолоховском размахе крыльев встречает путников в степи, по дороге в Вешенскую.

Тогда же Серафимович считал, что «самый прозорливый не угадал бы, как уверенно вдруг развернется» автор «подававших надежды» рассказов и крупно шагнет к «Тихому Дону», представ в нем как «писатель особенный, ни на кого не похожий». Вместе с тем Серафимович видел в авторе «Тихого Дона» восприемника лучших традиций русской литературы, художника гуманистической сущности и подлинного эпического склада, ставшего в ряд «с очень крупными писателями».

Радуется приходу в литературу большого писателя и Максим Горький: «Шолохов,— судя по первому тому,— талантлив... Каждый год выдвигает все более талантливых людей. Вот это — радость. Очень, анафемски, талантлива Русь».

В это же время Луначарский оценивает шолоховский роман о судьбах народа в революции, как «ценный вклад в литературу о массах». Он видит в этой книге, напоминающей ему лучшие явления русской литературы всех времен, «произведение исключительной силы по широте картин, знанию жизни и людей, по горечи своей фабулы»: «...тихий Дон на самом деле не тихий, а кипящий и бурный, бесконечно богатый человеческими силами».

Современники хорошо осознавали, что «Тихий Дон» — крупнейшее эпическое произведение, в центре которого судьбы народа в революции. Эпопея Шолохова охватывает повествованием целое десятилетие русской общественной жизни, создает грандиозную панораму событий первой мировой войны, кануна Великого Октября, изображает процессы самой социалистической революции и гражданской войны в России. Эпичность повествования диктуется раскрытием внутреннего потенциала жизни и действий больших потоков народной массы, ее участием в эпохальных исторических событиях, в острых столкновениях и борьбе непримиримых социальных сил. Борьба эта ведет к крушению старого и рождению нового, социалистического мира. В этих героических и трагических ситуациях народной борьбы и раскрывается сущность революционного Октября как исторического явления, как творимого народом крутого поворота истории. С большими революционными событиями тесно связывает писатель судьбы своих героев, представляя изображаемую эпоху в разнообразии человеческих характеров и типов.

Прослеживая пути народа в революции, утверждая закономерность его прихода к новой жизни через преодоление сложных и противоречивых исканий, Шолохов решительно отказывался от парадных баталий в изображении войны и мира, труда и быта народа, не принимал той легкой схемы, по пути которой иные романисты шли с охотой, а раскрывал народные судьбы во всем их драматизме, соответствовавшем остроте эпохального конфликта двух миров, в котором не оставалось места для середины.

Шолохов смело и мужественно нес читателю самую суровую правду. Его мучительно уставшие от кровавых боев герои переходили к мирной жизни, жадно тянулись к заброшенной земле. «Угрюмыми и ненавидящими» взглядами встречал народ тех, кто шел против нового мира. Казаки теперь знают, «как жить и какую власть принимать, а какую не надо». «Погибели на вас, проклятых, нету»,— говорится о бандитах, мешающих «мирно жить и работать». Еще более резкую оценку им дает красноармеец-продотрядник: «Оказывается, вот вы кто... А я-то думал, что это за люди?.. По-вашему, значит, борцы за народ? Та-а-ак. А по-нашему, просто бандиты».

Отражая в художественных образах исторические события революционной действительности, узловые моменты эпохи, определявшие судьбы народов, писатель утверждает неумолимое торжество нового, гибель всего, что мешает его победному движению.

Именно соотношение динамики движения народных масс в революции с противоречивыми исканиями Григория Мелехова наполняется в его судьбе особым смыслом. Шолохов ставит и решает здесь подлинно философскую проблему взаимоотношения личности и народа, места личности в революционной борьбе. Пафос истории, движение масс в революции нисколько не заслоняет гуманистической сущности романа. Эпический по своей природе характер Григория Мелехова несет в себе эпохальные обобщения, связанные с трудностью исканий человеком своего места в революционных переменах истории, неизбежности на этом пути и заблуждений и духовных потрясений. В индивидуальной человеческой судьбе Григория Мелехова, его острых размышлениях и переживаниях, чувствованиях и действиях обобщаются крупные социальные противоречия и проблемы эпохи, грандиозные исторические процессы, сдвиги и перемены, происходящие в жизни на переломе эпох, накануне и в годы революционного взрыва.

Подлинно человеческое, неповторимо индивидуальное в характере Григория Мелехова опирается на эпическую основу повествования, эпическое выражается в индивидуальном. Эпос истории и трагедия мятущейся, ищущей личности органически сливаются в характере центрального героя эпопеи, познавшего всю сложность социальных столкновений эпохи. Они прошли через его сердце, не утратившее, при всех горьких заблуждениях Григория, той трогательной человечности, которая вот уже более полувека притягивает к созданному Шолоховым характеру симпатии читателей всего мира.

Движение истории в шолоховской эпопее совпадает с движением и развитием личности. Григорий изнурительно долго ищет, мучительно трудно проходит через все этапы своих исканий, пафос которых при всем их индивидуальном своеобразии неотделим от пафоса масс, хода истории, частью которой является и судьба героя «Тихого Дона». Григорий долгое время лишь смутно осознает смысл исторического процесса, в котором участвует,— в этом трагическая коллизия его судьбы. Революция просвещает героя, в огне борьбы сгорает все мелкое, злое, эгоистичное, что нередко всплывало наверх и руководило его поступками. Любовь к Аксинье, пройдя испытание временем, вырастает в сильное, всепокоряющее чувство. Отвращение к страданиям и жестокости приводит в конце концов Григория к осознанию бессмысленности несправедливой борьбы с народом, осознанию заблуждений и неправоты своей.

Однажды, в беспросветно темной ночи, в притихшей степи, отступая вместе с разбитыми повстанцами, выздоравливающий от тифа Григорий слышит старинную казачью песнь-сказание «Ой, как на речке было, братцы, на Камышинке...»: «Словно что-то оборвалось внутри Григория... Внезапно нахлынувшие рыдания потрясли его тело, спазма перехватила горло. Глотая слезы, он жадно ждал, когда запевала начнет, и беззвучно шептал вслед за ним знакомые с отроческих лет слова...»

Обращение к этой «могучей песне» создает в «Тихом Доне» ситуацию наибольшего драматического напряжения в раскрытии судьбы народа, а значит, и в идейной концепции эпического повествования. Здесь все чрезвычайно важно — каждое слово, каждый образ, каждая характеристика. Все подчинено динамике чувств поющих и слушающих песню, движению мысли автора. Важны время и обстановка, в которых возникает песня, соотнесенность выраженного в ней прошлого с настоящим, особенности восприятия песни героем романа и сотнями, тысячами казаков, разделяющих его переживания. Важны авторская характеристика песни и размышления автора над большими историческими событиями — они совпадают с вызванными песней размышлениями героев.

М о щ н о поднятая сотнями голосов, «п р о с т о р н а я, как Дон в половодье», м о г у ч а я песня, герои которой — вольные казаки — размышляют, какой им путь избрать, всевластно и торжественно звучит «над п р и т и х ш е й степью». «Тысячный обоз двигался в глубоком, чутком молчании», песню слушали «в угрюмом молчании», «в очарованном молчании» и, наконец, за едва уже слышной издалека песней следили с «напряженным и мрачным молчанием». За этим нарастающим напряженным молчанием скрыты тяжкие размышления, которые сводятся автором к «думушке единой»: так слушали «могучую песню потомки вольных казаков, п о з о р н о о т с т у п а в ш и е, разбитые в б е с с л а в н о й б о р ь б е против русского народа».

Историческая песня возникает именно на этом трудном переломном этапе в судьбе героев романа, вызывает горькие раздумья и усугубляет трагическую ситуацию. Обращаясь к народной поэзии как живительному источнику народной жизни, несущему в себе мысль народную, Шолохов подчиняет все это раскрытию исторических изменений в народном сознании, закономерности тех перемен, которые восторжествовали в процессе развертывания и победы революции.

Вместе с тем писатель утверждает мысль о неразрывности судьбы человеческой и судьбы народной, счастья отдельной личности и социальных устремлений всего народа.

Завершая роман и судьбу его центрального героя, Шолохов видел, что «всем хочется легкого конца», а писатель, по его словам, «должен уметь говорить читателю даже самую горькую правду». И конец романа был выстраданным и тяжелым. Григорий, продолжая свой путь заблуждений и ошибок, приближается к трагическому финалу. Совершенно одинокий, особенно после гибели Аксиньи, он видит над собой черное небо и «ослепительно сияющий черный диск солнца». Последняя глава романа открывается широкой эпической параллелью: судьба Григория сравнивается с выжженной весенними пожарами, зловеще черной, мертвой, обуглившейся степью, вокруг которой «весело зеленеет молодая трава», ключом бьет жизнь. От описания ранних пожаров в степи Шолохов переходит к открытой авторской характеристике героя:

«Как выжженная палами степь, черна стала жизнь Григория. Он лишился всего, что было дорого его сердцу. Все отняла у него, все порушила безжалостная смерть. Остались только дети. Но сам он все еще судорожно цеплялся за землю, как будто и на самом деле изломанная жизнь его представляла какую-то ценность для него и для других...» Наконец встреча с Мишаткой уточняет эту характеристику, кладет последний штрих: «Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

Изображение народа как решающей исторической силы и Григория Мелехова как личности, воплотившей противоречия своего времени, создает цельную шолоховскую концепцию мира и человека, взаимоотношений народа и личности, места ее в революционной борьбе, ту концепцию революционной эпохи, которая мощно разворачивается в эпопее.

Этот вклад Шолохова в художественное развитие человечества К. Федин оценил так: «Громадна заслуга Михаила Шолохова в той смелости, которая присуща его произведениям. Он никогда не избегал свойственных жизни противоречий, будь то любая эпоха, им изображаемая. Его книги показывают борьбу во всей полноте прошлого и настоящего... Трагедию он не переводит в драму, из драмы не делает занимательное чтение. Трагедийные положения не прячутся им в утешительные букетики полевых цветочков. Но сила правды такова, что горечь жизни, как бы даже ужасна она ни была, перевешивается, преодолевается волею к счастью, желанием его достичь и радостью достижения... И, принимая во всей глубине чувство трагедийности того или иного факта, показываемого художником, мы закрываем книгу с впечатлением света. Таков, в частности, великолепный заключительный том «Тихого Дона».

Образное выражение Федина «впечатление света» — это та общая тональность романов Шолохова, та особенность его оптимистического восприятия мира и человека, в которой трагическое не мыслится без яркого света всепобеждающей жизни.

Мастерство раскрытия психологии человека-труженика сплетается в «Тихом Доне» с чутким проникновением в мир природы, драматизм повествования — с необыкновенной его лиричностью, открытостью авторских чувств и переживаний, трагические ситуации — с юмористическими сценами. Шолохов обогатил наши представления о мире, населив его живыми неповторимыми человеческими характерами Григория Мелехова и Аксиньи Астаховой, Пантелея Прокофьевича и Ильиничны, Натальи и Дуняшки, Михаила Кошевого и Ивана Алексеевича Котлярова, Прохора Зыкова и Степана Астахова, целой галереей людей из народа. Все они крепкими жизненными отношениями связаны со своим временем, являясь одновременно и его детьми и его коренными выразителями. Герои «Тихого Дона» погружены в бурную кипучую жизнь и воспринимаются как реальные типы, как живые люди своего времени.

15 марта 1941 года «Тихий Дон» был удостоен Государственной премии I-й степени, самой высшей в то время для писателя награды. В октябре 1965 года в знак признания художественной силы создателя эпохального произведения об исторических годах в жизни русского народа Шолохову, как автору «Тихого Дона», присуждается Нобелевская премия.

„Поднятая целина“ — роман о партии и народе

Советская литература 30-х годов широко охватывала самые бурные явления в преобразовании страны, в строительстве социализма, тщательно изображались и процессы, происходившие в деревне («Бруски» Ф. Панферова, «Ледолом» К. Горбунова, «Лапти» П. Замойского, «Станица» и «Разбег» В. Ставского, «Ненависть» И. Шухова, «Когти» Е. Пермитина).

Величайшее идейно-художественное значение «Поднятой целины» — лучшего литературного памятника эпохи коллективизации — заключается в том, что в бурных событиях первой половины 1930 года, захвативших один из хуторов тихого Дона, Шолохов типизировал сущность перемен, происходивших в советской деревне этих лет.

В основу романа положены факты социалистической действительности — писатель сам участвовал в проведении коллективизации. Глубокое знание народной жизни, трудовых будней народа, его чаяний — все это и сказалось в новом романе Шолохова, в характерах и ситуациях, словно бы подсмотренных у жизни и вырванных из нее. У писателя не было такого периода в работе, как собирание материала. По его словам, материал был под рукой, валялся под ногами: «Я не собирал, а сгреб его в кучу».

Знал писатель и жизнь рабочего класса. Во время создания «Поднятой целины» он переписывался с ленинградскими металлистами, встречался с ростовскими рабочими, наблюдал деятельность двадцатипятитысячников в Вешенском районе, а с некоторыми из них был дружен. Внимательно изучались партийные документы того времени, решения съездов партии. Они помогали глубже осмыслить происходящие на глазах события, осознать важность коренного перелома в развитии сельского хозяйства, те конкретные социально-исторические явления, которые определяли сущность перемен в стране. Шолохова в это время нередко можно было видеть в райкоме партии. Он приносил главы нового романа, читал их друзьям-районщикам, советовался, учитывал их пожелания и замечания.

В мае 1931 года Шолохов написал для «Правды» очерк «По правобережью Дона», в котором уже слышны голоса будущих героев «Поднятой целины». Сам писатель за хутором Чукариным, у станичного отвода, только что описанного в третьей книге «Тихого Дона», с изумлением наблюдал за работой мощного трактора, мотор которого звучал отчетливо и строго, а за ним, едва поспевая, метались бороны. И писатель вспоминал, как в прошлом году по этой же кочковатой, из веку не паханной целине, ползли первые тракторы, выворачивая лемехами гнезда ковыля и железнокрепкой тимурки: «Было радостно глядеть на борьбу машин с землей, до этого попираемой только копытами косячных кобылиц, отгуливающихся на отводе. И становилось страшно за машину, когда, нарвавшись на клеклую, столетиями уплотненную землю, трактор глухо и злобно рычал и, будучи не в силах разодрать лемехами плугов слежавшуюся грудину степи, становился, как лошадь, на дыбы». Затем он «медленно опускался, туго двигался вперед, и на сторону, как сраженные насмерть, тихо отваливались серебристо-глянцевитые пласты земли, кровоточа белой кровью перерезанных корневищ ковыля и разнотравья». И вот теперь «до еле видимых в сумерках степных увалов степь лежала, побежденная человеком. В сумерках чуть заметно дымилась бархатисто-черная зябь. Земля покорно ждала обсеменения».

В этом описании не только видимая перекличка с обра-

зом степи, созданным в «Тихом Доне». Мы как бы присутствуем при рождении нового образа «поднятой целины», который так искал писатель и который стал названием его нового романа. Вспоминаются еще и слова коммуниста Штокмана из создававшейся в это же время третьей книги «Тихого Дона». Сказаны они были тогда, когда советской власти на Дону было всего лишь полтора месяца: «Но с вами, тружениками, с теми, кто сочувствует нам, мы будем идти вместе, как быки на пахоте, плечом к плечу. Дружно будем пахать землю для новой жизни и боронить ее, землю, будем, чтобы весь старый сорняк, врагов наших, выкинуть с пахоты! Чтобы не пустили они вновь корней! Чтобы не заглушили роста новой жизни!»

Есть в журнальном тексте третьей книги «Тихого Дона» сцена, в которой Штокман предлагает распределить имущество казаков, бежавших с белыми. Толпа татарцев отвечает молчанием, расходится, и только «один из беднейших, Семка, по прозвищу Чугун, нерешительно подался вперед, лицо его выражало смущение: он не прочь был одеть косматую шубу на зябкое тело, потеплевшими глазами он голосовал за распределение имущества, одобрительно поглядывая на Штокмана, но увидел злобные лица богатеев, вжался и махнул варежкой».

Гремяченская беднота в «Поднятой целине» хорошо знает, что к старому нет возврата. Любишкин и другие бедняки тут же, на снегу, «телешились и, довольно крякая, синея глазами, светлея смуглыми лицами от скупых дрожащих улыбок, торопливо комкали свое старое, латаное-перелатаное веретье, облачались в новую справу, сквозь которую уже не просвечивало тело».

Во время восстания Сердобского полка Штокман, заметив вскинутую на него винтовку, крикнул: «Не смей! Убить всегда успеешь! Слово — бойцу-коммунисту! Мы — коммунисты — всю жизнь... всю кровь свою... капля по капле...— голос Штокмана перешел на исполненный страшного напряжения тенорок, лицо мертвенно побледнело и перекосилось,— ...отдавали делу служения рабочему классу... угнетенному крестьянству. Мы привыкли бесстрашно глядеть смерти в глаза!»

Услышав из толпы на хуторском собрании «пронзенный злостью голос» («Тебе Титок раз кровь пустил, и ишо можно...»), Давыдов «в страшной тишине с минуту стоял молча, бледнея, полураскрыв щербатый рот, потом хрипло крикнул:

— Ты! Вражеский голос! Мне мало крови пустили! Я еще доживу до той поры, пока таких, как ты, всех угробим. Но, если понадобится, я за партию... я за свою партию, за дело рабочих всю кровь отдам! Слышишь ты, кулацкая гадина? Всю до последней капли!»

Разное время изображено в «Тихом Доне» и «Поднятой целине», между ними — целое десятилетие бурных перемен в народной жизни, но книги эти едины по художественной концепции, по цельному видению жизни, судьбы человека в эпоху революционных перемен. Кроме того, создавались эти книги почти в одно время, и перекличка между ними неизбежна. Живое участие в перестройке деревни, в судьбах своих героев на новом крутом повороте истории, обогащало писателя и как автора «Тихого Дона».

В ноябре 1931 года Шолохов обратился к редактору журнала «Новый мир» В. В. Полонскому с просьбой сообщить, не найдется ли места в журнале для его нового романа о коллективизации в верховьях Дона. С января 1932 года на страницах этого журнала началось печатание «Поднятой целины». В это же время продолжалась работа над второй книгой романа. Шолохов намеревался завершить ее к 1934 году. «Вторая книга, как и первая,— рассказывал писатель еще в то время,— покажет становление колхозной деревни. Она охватывает примерно тот же период (1930—1931 годы), но более поздний его этап. Все основные персонажи первой книги переходят во вторую. Но, помимо их, читатель встретит и новых героев. Это главным образом партийные работники из района».

Однако работа над этой книгой затянулась — много сил и времени было отдано завершению «Тихого Дона». Правда, Шолохов не раз возвращался к «Поднятой целине». Значительная часть завершающей роман книги была написана до войны, но ее рукопись погибла вместе со всем архивом писателя. С 1951 года Шолохов писал вторую книгу «Поднятой целины», как он говорил, заново и по-новому. Ее финальные страницы он читал в переполненной, затихшей аудитории Московского университета в канун 1960 года. Многолетний труд писателя был вскоре увенчан Ленинской премией.

В романе «Поднятая целина» Шолохов вновь обращается к большим революционным переменам, затронувшим коренные интересы народа и определившим его судьбу. Революция в деревне предстает в романе как историческая закономерность, без которой невозможна победа новых социалистических отношений. Этот огромный переворот, будучи произведен сверху, по инициативе партии, вызывает широкую поддержку снизу, самих крестьянских масс, потому что выражает насущные потребности и чаяния народа.

Шолохов изображает коллективизацию как всенародное движение, сопровождавшееся повышенной социальной активностью, трудовой энергией масс. Народная жизнь раскрыта в романе во всем ее духовном богатстве, в цельности нравственного опыта, в бурном росте сознания и творчества, в процессе осуществления строительства колхозной жизни. В этом пафос и массовых сцен романа, и раскрытия внутреннего мира шолоховских героев, психологической атмосферы происходящих событий.

Пути строящего социализм народа в коллективизации, пройденные вместе с партией, прослеживаются в романе одновременно с процессами рождения колхоза, становления новой жизни, острой социальной борьбы двух лагерей. Лагерь строителей социализма в деревне представлен целой галереей персонажей, среди них — путиловский рабочий — коммунист Семен Давыдов, гремяченские коммунисты Нагульнов и Разметнов, руководитель агитколонны луганский токарь Кондратько, совсем юный комсомолец Ванюшка Найденов, деревенская беднота, сознательные середняки. В колхозном активе — бригадир Агафон Дубцов, Демка Ушаков, Кондрат Майданников, кузнец-ударник Ипполит Шалый. К новой жизни тянутся бедняки Лосев и Демид Молчун, дед Щукарь и Аким Бесхлебнов.

Рождение новой жизни неотделимо в «Поднятой целине» от роста активности народных масс, от проявления их творческой инициативы, от духовного возрождения народа. С идеей утверждения социализма, торжества новых человеческих отношений писатель связывает и рождение новой социалистической личности. Нелегко расстается крестьянин со сложившимися навыками и традициями. Его сомнения и колебания на крутом изломе жизни исторически неизбежны — и с социально-экономической точки зрения, и со стороны психологии.

В те дни, с изображения которых начинается «Поднятая целина», встретился Шолохов на хуторе Нижне-Яблоновском с крестьянином-середняком, который только что по доброй воле вступил в колхоз, сам отвел на общий баз коня, пару быков и даже корову, а потом перестал есть и спать, мучительно переживая тягу к своему добру. Тоскуя, он жаловался писателю: «Не к кому на баз выйти, баз-то пустой... Понимаешь ты это, добрый человек, не к кому выйти! Или, может, ты думаешь, что такое горе пухом на сердце ложится?»

Встреча эта глубоко запала в душу писателя, он не раз возвращался к ней и рассказывал о трудностях художественного воплощения такой судьбы в характере Кондрата Майданникова, и поныне поражающего психологической достоверностью. Герою романа, как и крестьянину из Нижне-Яблоновского, не спится по ночам, ибо «осталась в нем жалость-гадюка к своему добру, к собственной худобе, которой сам он добровольно лишился». Дни и ночи своей единоличной жизни проводил он в заботах о своем хозяйстве. «А сейчас пусто, мертво у Кондрата на базу. Не к кому выйти. Порожние стоят ясли, распахнуты хворостяные ворота». Тяжело налаживалось и ставилось хозяйство, поэтому и жалость подкрадывалась к сердцу, со слезой и кровью рвал он нити, соединявшие его «с собственностью, с быками, с родным паем земли».

Маясь по ночам, вспоминает Кондрат Майданников и всю свою прошлую жизнь, и тот счастливый день, когда был в Москве, «глянул на Мавзолей, на победно сияющий в небе красный флаг и торопливо сдернул с головы буденовку». Мнится ему теперь ликующее марево огней над Москвой, видит он развевающееся над Кремлем, над всем миром красное полотнище, и больно ему не только за себя, не только неизжитую подлюку-жалость к своему добру он испытывает. Он полон тревоги и заботы, он мысленно обращается к своим братьям, трудовым людям, живущим далеко от Гремячего Лога: «Через чего до се нету у вас советской власти? Через чего вы так припозднились? Ежели бы вам так погано жилось, вы бы теперича уж революцию сработали... Али вы не видите через границу, как нам тяжко подымать хозяйство? Какую нужду мы терпим,

полубосые и полуголые ходим, а сами зубы сомкнем и работаем. Совестно вам будет, братушки, прийти на готовенькое!»

Здесь, в борении с собой, в доверительной, психологически тонкой передаче чувств и размышлений героя, на первый план выступает его глубоко осознанное восприятие исторического процесса, то богатство духовного мира крестьянина, которому мог бы позавидовать не один герой романа или повести о современной деревне.

Победа нового в сознании Кондрата Майданникова, обретение им навыков коллективного труда и хозяйствования, укрепление социалистических начал в самом характере — все это раскрывается писателем как сложнейший, социально и духовно, процесс и наполняется поистине всечеловеческой мыслью.

Новаторское открытие Шолохова и на этот раз несет заряд огромной жизненной силы. В нем — пафос подлинно революционного гуманизма, активной борьбы за нового человека.

Характер Кондрата Майданникова далеко не единственное, разумеется, художественное открытие автора «Поднятой целины». И воспринимается этот характер в общем контексте народной жизни того времени, с которой он связан, как и другие герои этого романа.

В «Поднятой целине» Шолохову удалось едва ли не впервые в советской литературе раскрыть не только крупные характеры сельских коммунистов, участвующих в перестройке деревни, но и создать обобщенный образ цельного партийного коллектива. Давыдов, Разметнов, Нагульнов — разные по характеру, человеческому складу, но и близкие друг другу люди по нравственной силе и социальной устремленности. И характер Давыдова как типа времени невозможен вне всего строя этих образов, вне других живых людей этого времени. Неизмеримо обогащается, расцвечивается новыми красками образ Давыдова во второй книге романа. Его цельность, духовное обаяние, чуткость к людям, за что так беззаветно любят Давыдова гремяченцы, обретают художественную плоть. Беспокойство за судьбы людей, ставших ему родными, постоянная тревога за общее колхозное дело никогда не покидает неутомимого в своей деятельности Давыдова. Не только он учит гремяченцев, но и они многому учат его. Задушевные беседы с Ипполитом Шалым, доверительная исповедь Ивана Аржанова, столкновение с Устином Рыкалиным раскрывают Давыдову глаза на многое. Общение с народом, упрочение связей с ним обогащают Давыдова как руководителя, придают новые силы в труде и борьбе.

Не однажды уже отмечалось, что Давыдов как художественно цельная личность принимает самое активное участие в нынешних спорах о нравственном кодексе нашего современника, в поисках критериев положительного героя в литературе. Он и сегодня живет среди нас и воспринимается как наш современник. Это и позволило критику А. Макарову, определяя мир Шолохова как огромный мир человеческих судеб, мир борьбы, богатый изгибами и оттенками великих чувств, сердечной доброты и жажды справедливости, обратиться к его героям как к живым людям: «Рожденные горячим благородным сердцем художника, вы стали частицею и наших сердец, нашей любовью, нашей силой, нашей совестью. Наследники вашего дела, мы теперь, может быть, и куда «мудрее» разбираемся в сложностях периода, в какой вам довелось жить. Но дай нам бог с таким вдохновением и бескорыстием решать задачи нашего настоящего, как это делали вы в трудные для народной истории времена».

Вклад Шолохова в раскрытие типов времени определяет значение «Поднятой целины» как этапного произведения социалистического реализма, обогатившего человечество познанием поступательного развития жизни. Это облеченное в зрелые, совершенные формы большого искусства свидетельство художника о революции в деревне, о единстве партии и народа, по словам А. Твардовского, «приобрело для всех нас и для наших друзей (и не только друзей) за рубежами страны значение достоверной картины новой социалистической действительности деревни с ее героями, людьми, которых мы с тех пор как бы знаем лично».

В схватке с врагами, затаившимися в темной горенке куреня Островнова, гибнут Давыдов и Нагульнов, люди, без остатка отдавшие себя строительству новой жизни. Дрогнул здесь мужественный голос писателя: «Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшептала им поспевающая пшеница, отзвенела по камням безымянная речка, текущая откуда-то с верховьев Гремячего буерака... Вот и все!»

Верный жизненной правде, Шолохов вскрыл напряженность и суровость схваток в великой борьбе за торжество социализма, озарив повествование ярким светом веры в торжество новой жизни, пришедшей на берега тихого Дона. «Поднятая целина» продолжает будить раздумья о сложности жизни, о суровой борьбе и красоте рождения нового, помогает глубже осмыслить поступательный процесс социалистического преобразования, яснее, конкретнее увидеть торжество нового, ту революционную энергию, которая обогащает нас и сегодня и учит зарубежных трудящихся активному отношению к жизни.

В сражениях за Родину

Начало Великой Отечественной войны Шолохов встретил в родной станице, полный решимости, как и весь народ, отстоять независимость Отчизны. Писатель остро чувствовал приближение этой войны. «Если враг нападет на нашу страну,— говорил Шолохов в марте 1939 года,— мы, советские писатели, по зову партии и правительства отложим перо и возьмем в руки другое оружие, чтобы... летел и разил врага и наш свинец, тяжелый и горячий, как наша ненависть к фашизму!.. Разгромив врагов, мы еще напишем книги о том, как мы этих врагов били. Книги эти послужат нашему народу и останутся в назидание тем из захватчиков, кто случайно окажется недобитым...»

На второй день войны писатель послал в Москву телеграмму, в которой просил зачислить в фонд обороны страны присужденную ему Государственную премию I-й степени за роман «Тихий Дон» и выражал готовность в любой момент «стать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину». В июле 1941 года полковой комиссар запаса Шолохов призывается в армию и вместе с другими советскими писателями уходит на фронт. Он работал в Совинформбюро, был военным корреспондентом «Правды» и «Красной Звезды», участвовал в боях под Смоленском на Западном фронте, под Ростовом на Южном фронте, делил с бойцами суровые дни битвы на Волге, шел фронтовыми дорогами до самых границ Германии.

Шолохов писал с первых же дней войны статьи и очерки, зажигавшие в сердцах советских людей ненависть к врагу, призывал беспощадно громить фашистские полчища. Он писал о неразрывном единстве фронта и тыла («На Дону», «В казачьих колхозах»), рассказывал о трудной кровавой войне советских людей с фашистами, о неизбежном процессе разложения гитлеровской армии («По пути к фронту», «Первые встречи», «Люди Красной Армии», «На Смоленском направлении», «Гнусность», «Военнопленные», «На юге»).

В годовщину войны в «Правде» был напечатан проникнутый публицистической страстностью, уверенностью в торжестве правого дела рассказ Шолохова «Наука ненависти», в основу которого положен действительный факт, поведанный писателю на фронте одним из участников войны, потомственным уральским рабочим. Крупным планом рисуя лейтенанта Герасимова, проходившего в суровых боях с врагом «науку ненависти», Шолохов раскрывал характер русского человека, оторванного войной от мирного труда, прослеживал возмужание и закалку советского воина. Воля к жизни, желание жить, чтобы сражаться, высокий воинский дух героя Шолохова, неистребимая уверенность в победе предстают в рассказе как особенности русского народа, раскрывшиеся со всей силой в годы тяжкой и великой битвы с фашизмом.

Рассказ о судьбе Герасимова открывается яркой поэтической метафорой: «На войне деревья, как и люди, имеют

каждое свою судьбу». Могучий дуб, надломленный вражеским снарядом, весною ожил, покрылся свежей листвой и потянулся к солнцу. Метафорическое вступление развертывается и наполняется большим смыслом, озаряющим все повествование и придающим ему художественную цельность. Рано поседевшего Герасимова, улыбнувшегося вдруг «простой и милой, ребяческой улыбкой», Шолохов сравнивает с могучим дубом.

Лейтенант надломлен страданиями в плену, но чиста «добытая большими лишениями седина», не сломлена его жизненная сила. Он могуч и крепок, как и весь народ, питающийся живительными соками родной земли. Его не сломят самые тяжкие испытания и трудности. Народ, полный воли к борьбе, проникнутый священной ненавистью к врагу и сыновней любовью к матери-Родине, непобедим. Это и утверждал Шолохов в самые суровые дни Великой Отечественной войны.

В мае 1943 года на страницах «Правды» началось печатание нового романа Шолохова «Они сражались за Родину». Главы этого романа вводили читателя в атмосферу фронтовых будней, напряженных боев летнего отступления на втором году великой народной битвы. Динамично развертываются события на фоне словно вымершей от зноя донской степи — идут кровопролитные бои с превосходящими силами противника. Суровыми и горькими красками рисует писатель отступление нашей армии. Бойцы выбиваются из последних сил, но сохраняют свою часть как боевую единицу. Герои романа — колхозник Иван Звягинцев, агроном Николай Стрельцов, шахтер Петр Лопахин — люди, воспитанные советским строем, отстаивающие Родину в кровопролитных боях. Со страниц и этого шолоховского повествования вновь встает образ воюющего народа, силы которого в годину военных испытаний подверглись самой жестокой проверке. Вместе с народом мужают в борьбе и герои романа «Они сражались за Родину».

Новый шолоховский роман был особенно дорог фронтовому читателю. «Вашу книгу,— писал Шолохову капитан Хондочий,— я ношу так же, как и мои товарищи, всегда с собой в сумке. Она нам помогает жить и сражаться». Фронтовики отмечали, что автор хорошо показывал, как в суровой школе войны закалялись дух и воля солдата, как крепло его воинское мастерство.

Летом 1944 года, после долгого перерыва, Шолохов вернулся в родную станицу Вешенскую. Тут еще свежи были следы разрушений. Фронт в 1942 году подходил к самой станице. Фашистам не удалось форсировать Дон и занять Вешенскую, но они обстреливали ее и варварски бомбили. После одного из налетов погибла мать писателя Анастасия Даниловна. Был сожжен дом Шолохова, уничтожена библиотека, рукописи «Тихого Дона», второй книги «Поднятой целины», над которой писатель работал перед войной.

С сыновней гордостью за великий русский народ и его армию встретил Шолохов День Победы. Вернувшись на родину, он продолжал работу над романом «Они сражались за Родину».

Вскоре после окончания войны жители Вешенской торжественно отметили сорокалетие со дня рождения своего земляка. С самых отдаленных хуторов приходили в станицу колхозники, чтобы от всей души приветствовать писателя, крепко пожать ему руку, пожелать здоровья и успехов.

Партия и народ высоко оценили заслуги писателя в годы Великой Отечественной войны: 23 сентября 1945 года Шолохов в связи с выходом десятитысячного номера газеты «Правда», был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Мир отечества

Шолохов не раз и как художник и как общественный деятель доказывал плодотворность связи писателя с жизнью народа. «О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто мы пишем по указке партии,— сказал Шолохов на Втором съезде писателей.— Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством».

Идущие от сердца тревога и забота писателя о будущем литературы созвучны в условиях литературного развития послевоенных лет с борьбой против «работы неумелой, небрежной, недобросовестной», которую вел в 30-х годах М. Горький. Особенно бережно, заботливо относился Шолохов к воспитанию литературной смены. В молодежи он видел будущее, залог «вечного нестарения литературы».

Молодым писателям Шолохов не уставал напоминать, что творчество должно быть максимально приближено к сердцу художника, что писатель — совесть народа, творить для него — высокая честь. Сам Шолохов, как всегда, остро чувствовал биение пульса современности, стремился откликнуться на бурные перемены в жизни сороковых — пятидесятых годов, на героические дела соотечественников. Он не раз приезжал в Волгоград и радовался возрождению города-героя; бывал на строительстве Волго-Донского канала; как самый близкий человек входил в дома колхозников, встречался с рабочими Ростова и Таганрога, Москвы и Ленинграда, с солдатами и офицерами Советской Армии, дружески беседовал в Алма-Ате и Киеве с товарищами по перу — писателями Казахстана и Украины. Он не только напутствует передовиков сельского хозяйства родной станицы быстрее провести сев, не только выступает на совещании садоводов и виноградарей области с призывом покрыть берега Дона садами и виноградниками, но и ездит по полям и фермам, вникая во все детали труда земледельца.

Вместе со всем советским народом Шолохов борется за мир. Он подписывает открытое письмо советских писателей «С кем вы, американские мастера культуры?», едет во Вроцлав и участвует в работе Всемирного конгресса деятелей науки и культуры в защиту мира, избирается членом Советского комитета защиты мира, и его яркие речи звучат с трибуны Всесоюзных конференций сторонников мира, пишет «Письмо в редакцию журнала «Иностранная литература» и призывает к широкому творческому общению советских и зарубежных писателей.

В сороковые и пятидесятые годы Шолохов не раз выезжал за границу — в Польшу, Болгарию, Чехословакию, в Швецию, Норвегию, Данию, Финляндию, в Италию, Францию, Англию, совершил поездку в Америку в составе советской правительственной делегации, перенимал сельскохозяйственный опыт в Скандинавских странах. Везде его принимали как посланца мирной Советской державы, как полпреда новой социалистической культуры. Шолохов переписывался с Эрнестом Хемингуэем и другими крупнейшими писателями мира, встречался за рубежом с Эрскином Колдуэллом, Джоном Стейнбеком, Луи Арагоном, Мартти Ларни, Данило Дольчи. В гостях у Шолохова побывали многие датские, шведские, английские и немецкие писатели, иностранные издатели его книг. «Вешенская — одна из величайших святынь литературного мира,— сказал Чарльз Сноу.— Прелесть ее не только в том, что здесь живет великий писатель современности, но и в том, что он живет среди героев своих книг».

Особенно горячо и взволнованно прозвучало в первые послевоенные годы шолоховское слово о Родине, о борьбе за мир на земле. На страницах «Правды» впервые появляются его очерки, статьи и памфлеты: «Слово о Родине», «Борьба продолжается», «Свет и мрак», «Не уйти палачам от суда народов!», «С Новым годом, родные люди!», «С родным правительством — за мир!», «Любимая мать-отчизна», «Первенец великих строек», «Вечно здравствуй, родная партия!», «Солдаты моей Родины» и другие.

Романист, изобразивший переломные эпохи в судьбах Родины, движение народа в революции, нашел проникновенные слова и для выражения сыновней любви к «милой, светлой Родине». Новогодние обращения к ней поэтичны по образной структуре, повышенной эмоциональной тональности, лирической взволнованности. В них воссоздается и мощный просторный эпический облик Отечества: «Зимней, синеющей дымкой покрыты просторы нашей родины, ходят туманы над вечно устремленными ввысь гордыми вершинами величественных горных хребтов, над древними морями и океанами, омывающими родные берега отчизны. Влажным, ласково-мягким туманом повиты поля, возделанные и взлелеянные трудовыми руками советских людей. Мелкой из-

морозью, серебряным бисером светится каждый листок озими, вороненой сталью отливает каждый пласт поднятой под зябь земли... И кажется в эту зимнюю ночь: только чайки — над безднами наших морей и океанов, только ястреб парит над заснеженным морем колхозных полей, только — клекот орлиный над вышними отрогами наших недоступных гор... И кажется, что земля, извечная кормилица, притихла, задумалась и в тишине, как будущая мать, собирает жизнетворящие силы для новых свершений».

Пройдет время, и писатель, развернув возникающий здесь образ, откроет им вторую книгу «Поднятой целины». Всевидящим взором художник окидывает необъятную ширь великой матери-Родины. Широко развернутая пейзажная картина, проникнутая сыновней любовью писателя к своему Отечеству, вступает во взаимодействие с последующим повествованием, и новогодняя тишина — уже только кажущаяся тишина: ни на секунду не слабеет могучий ритмический пульс страны социализма, мирного труда советского народа. Насыщенная яркими и сочными красками, смелыми метафорами, высокой патетикой с ее повторами и единоначалиями, поэтическая речь автора звучит как торжественная клятва сыновней верности своему народу и Родине. Мастер эпических полотен, писатель и в своих очерках, приветствиях, обращениях к народу сочетает задушевный лиризм с плотностью речи эпического повествования. Эта особенность Шолохова-публициста обнаруживается уже в «Слове о Родине», первом его послевоенном очерке.

Открывается очерк задушевным разговором автора с читателем о героизме русского народа, вынесшего на своих плечах неслыханные страдания величайшей из войн: «Зима. Ночь... Побудь немного в тишине и одиночестве, мой дорогой соотечественник и друг, закрой глаза, вспомни недавнее прошлое...» Обращение это обнажает единство чувств и мыслей писателя и народа. Взором любящего сына писатель вновь окидывает родную землю, видит, как возрождается, со сказочной быстротой расцветает она после войны: там, где еще недавно рос на полях бурьян,— золотится хлебная стерня; где были глушь и запустение,— дымят трубы восстановленных заводов...

Писатель разговаривает с читателем, как с самым близким человеком, которому можно доверить глубинные тайны своего сердца. Отсюда и искренность лирических интонаций и патетика авторского повествования.

Очерк «Слово о Родине» обрамлен лирико-эпическим вступлением и эпилогом. Сердцевина его — два эпизода, в которых прошлое и настоящее связаны между собой и подчинены раскрытию перемен в жизни страны и прежде всего — духовному росту русского крестьянина. За живыми образами героев очерка стоят миллионы советских людей, «движимые одним могучим желанием служить своей величавой Родине». Вот почему в эпилоге очерка, перекликаясь с его вступлением, с новой силой звучит авторское слово любви к Родине, разделенной со всем народом: «Милая светлая Родина! Вся наша безграничная сыновья любовь — тебе, все наши помыслы — с тобой!»

Идеи и образы публицистики Шолохова многообразны. Обращаясь к трудной послевоенной жизни своего Отечества, писатель радуется мирному труду советских людей, утверждает единство народа и партии. Находит он и гневные слова для обличения поджигателей войны, поднимается до бичующего сарказма, до памфлетных характеристик. Статьи Шолохова пронизаны светом жизнетворящего солнца, уверенностью в торжестве мира. Отмечая повсюду твердую поступь страны социализма, писатель взволнованно восклицает: «Радостно жить и творить, будучи сыном такой великой Родины, такой великой партии!»

В годы послевоенного возрождения Отечества Шолохов вступил как автор двух незавершенных романов. Война застала его в работе над второй книгой «Поднятой целины». На фронте возник замысел романа «Они сражались за Родину», вскоре началось печатание отдельных его глав. Теперь писатель не долго стоял на распутье — он продолжил работу над романом о войне, только что завершившейся Победой.

Собирая материал для романа, Шолохов бывал в воинских частях, на местах крупнейших сражений, встречался с военачальниками. Вскоре появились в «Правде» новые главы из первой книги «Они сражались за Родину». Повествование, по замыслам писателя, развертывалось в трехтомную эпопею о героической борьбе советского народа в Великой Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков. В первой книге представал начальный период войны, она должна была завершиться описанием событий, предшествовавших Сталинградской битве. Второй том автор задумал посвятить небывалой в истории битве на Волге, третий — героическому наступлению Советской Армии, изгнанию врага и его уничтожению.

Уже в августе 1949 года Шолохов считал, что «закончил первую книгу романа «Они сражались за Родину». Приезд его в это время в Сталинград был связан, по его словам, с работой уже над второй книгой этого романа. Однако написанное, по всей вероятности, не удовлетворяло автора. «Советские писатели в большом долгу перед своими читателями,— говорил Шолохов в апреле 1952 года.— В ряду должников... к моему великому сожалению и внутреннему неудобству, нахожусь и я — автор двух незаконченных романов. Мы не успеваем отображать жизнь имеющимися в нашем распоряжении художественными средствами... Если говорить о себе, могу коротко сказать следующее: в настоящее время работаю одновременно над второй, последней книгой «Поднятой целины» и над первой книгой романа «Они сражались за Родину»... На собственном горьком опыте я убедился в том, что книгу закончить в точно намеченный срок нельзя, если работаешь с непокидающим чувством ответственности за то, что и как ты пишешь».

Вскоре это чувство и заставило писателя отложить в сторону работу над романом «Они сражались за Родину» и отдать все силы завершению «Поднятой целины». В это время и отпластовался от романа рассказ «Судьба человека» (1956), который рассматривался писателем как «подступ к большому разговору о большой войне».

Смысловая емкость этого рассказа, художественный синтез эпического, драматического и лирического начал значительно расширяют наши представления о возможностях «малых форм». Русский человек прошел через все ужасы навязанной ему войны и ценой ничем не возместимых трагических утрат отстоял Родину, утвердил великое право на жизнь, на ее будущее. В этом истинный смысл рассказа о судьбе Андрея Соколова. Сюжетная его часть обрамлена авторским зачином и лирической концовкой. Писатель сливает свои раздумья и переживания с раздумьями и переживаниями героя, объединяет повествование всепроникающей художественной мыслью.

Авторский зачин — весеннее пробуждение жизни. Шолоховский пейзаж здесь весьма активен. Картина бурно наступившей послевоенной весны насыщена ярким солнцем, ароматами пробуждающейся жизни и вместе с тем полна благостной тишины. Здесь все напоминает о прошедшей войне и как бы предваряет рассказ Андрея Соколова. Далее повествование переходит к нему, и речь рассказчика поначалу течет спокойно, неторопливо и обретает характер исповеди никогда не щадившего себя для Родины труженика и солдата, исповеди человека большой души, исполненной трогательной нежности и сурового мужества, любви к Родине и ненависти к врагу. Война разрушила счастье Андрея Соколова и его семьи, наносила потом один удар за другим. Шолоховский герой пережил еще и ужасы фашистского плена и гибель родных и близких, но он не уронил достоинства советского человека, не утратил любви к людям, нашел в себе силы жить, трудиться, верить в добро. Он заменил отца осиротевшему Ванюшке, и оттого светлее стало на душе испепеленного войной человека, хотя тоска его неизбывна...

Коротка встреча с Андреем Соколовым и маленьким Ванюшкой, но писатель полон глубокого раздумья об их судьбе, верит в будущее истерзанного страданиями человека, в будущее мальчика, который вырастет у отцовского плеча и все преодолеет на своем пути и еще не раз встретит весну своей родной земли.

Гордость и достоинство советского человека, великое его духовное богатство, непокоренность и неистребимая вера в жизнь, в свой народ — все это воплотилось в поистине русском характере Андрея Соколова. Такой значительный художественный образ, созданный мастером, стал у самых истоков новых исканий советской литературы. В рассказе «Судьба человека» вновь раскрылись народность таланта, громадная сила жизнеутверждения и гуманизма Шолохова, его вера в свой народ, в великое будущее Отечества.

„...построенный в боях социализм“

Как-то однажды, время уже к утру подвигалось, но солнце еще не взошло, не заладилась работа за письменным столом, вышел Шолохов на Дон взглянуть, подумать, утренней прохладой подышать. «Не успел выйти,— с изумлением рассказывал писатель,— через забор вижу бричку, распряженную пару быков, две бочки из-под бензина. Идет казачка-колхозница. «Я, говорит, к тебе с нуждой, к депутату»... Тихо, сдержанно говорю: «Что ты, милая, в четыре часа утра? Ты бы в два часа ночи пришла». Она говорит: «Так я же тебя не будила. Я вижу — ты вышел...» Спрашиваю: «Ты в райисполком пойдешь в семь утра, если там с девяти начинается работа?» А она говорит: «Так ты же не учреждение». Что тут можно возразить? Конечно, не «учреждение». Ну, давай говори свою нужду...»

Всего лишь один эпизод из жизни, но как многое он объясняет в особенностях работы художника, который никогда не отделял писательский труд от общественной деятельности. Мало того, в годы развернутого строительства социализма Шолохов все свои силы отдавал борьбе за торжество новой жизни. «Гуманист — тот, кто борется»,— утверждал писатель и видел свое место в гуще борьбы за социализм, за мир на земле. Призвание писателя, смысл его труда — в ответственности перед человечеством.

Шолохов выдвигает идею союза труда и искусства и стремится провести ее в жизнь. Он устанавливает дружбу с крупными ленинградскими и ростовскими рабочими коллективами, сам едет в Ленинград на Кировский завод и приглашает в Вешенскую большую рабочую делегацию, ратует за создание истории рабочих предприятий и пишет предисловие к книге «История Кировского завода»; его волнуют проблемы перестройки сельского хозяйства, он принимает их близко к сердцу и у себя в районе, и во время поездок в Казахстан и Грузию, в Скандинавские страны и в Германскую Демократическую Республику. Выступает писатель и у себя на Дону, и перед коммунистами колхоза «Тихий Дон», и на съездах партии перед коммунистами всей страны, участвует в подготовке проекта новой Программы КПСС. Его речи звучат с трибуны Всесоюзного съезда колхозников и сессии Европейского сообщества писателей. Он активно поддерживает «дух Хельсинки», радуется успехам Родины в освоении космоса и тревожится за судьбы мира.

Как забота о будущем Отечества встает перед писателем проблема воспитания нового поколения строителей социализма. Он идет в молодежные аудитории, к комсомольцам, приглашает к себе на Дон молодых писателей и задушевно беседует с ними о самых насущных вопросах писательского мастерства, о позиции художника социалистического общества. Открывая работу II-го съезда писателей России, Шолохов указывал, что «социалистический реализм — это искусство правды жизни, правды, понятой и осмысленной художником с позиций ленинской партийности. А если сказать еще проще, то, по-моему, искусство, которое активно помогает людям в строительстве нового мира, и есть искусство социалистического реализма. Тот, кто хочет понять, что такое социалистический реализм, должен пристально присмотреться к громадному опыту советской литературы почти за полвека ее существования. История этой литературы — это и есть социалистический реализм, воплощенный в живых образах героев и зримых картинах народной борьбы».

В это же время и как художник Шолохов работает напряженно. Вторая половина 50-х годов и начало годов 60-х отданы были завершению «Поднятой целины», непосредственному изображению строительства социализма в деревне. Роман Шолохова, обращенный к истокам этих процессов, жадно прочитывался новыми поколениями советских людей, оказывался близким им пафосом торжества социализма, вызывал размышления о том, какой громадный путь прошли крестьянство и рабочий класс с тех пор, как совершился революционный переворот деревни, каких успехов добился весь народ под руководством партии в строительстве социализма.

«Этот роман крупнейшего советского писателя,— говорил Николай Тихонов, вручая Шолохову Ленинскую премию,— широко известный в Советском Союзе и за рубежом, представляет такое изображение картин народного быта в дни величайшего переворота в советской деревне, которое имеет полное право называться историческим по силе изобразительности и по правдивости изображаемого. Созданные уверенной и смелой рукой выдающегося мастера, живут характеры лучших представителей партии, подлинных вожаков народных масс... Эти герои Шолохова — коммунисты — живут во имя счастья людей, воля и разум партии для них высший закон. Именно в создании характеров — этих и других героев — Шолохов достиг огромного мастерства, высокой художественной убедительности».

Завершив «Поднятую целину», Шолохов вернулся к работе над романом «Они сражались за Родину». Еще в середине 50-х годов писатель решил раздвинуть его повествовательные рамки. В «Ленинградском альманахе» появилась вступительная глава, возвращающая читателя к событиям кануна Великой Отечественной войны. В это же время публиковалось немало сообщений о том, что работа над первой книгой романа завершается. Однако в середине и конце 60-х годов печатаются новые главы, свидетельствующие об усложнении замысла, появлении новых героев, острых повествовательных коллизий.

«Мою работу над романом «Они сражались за Родину» несколько подзадержало одно обстоятельство,— считал Шолохов.— Я встретился в Ростове с генералом в отставке Лукиным. Это человек трагической судьбы. Он в бессознательном состоянии попал в плен к гитлеровцам и проявил мужество и стойкость, до конца остался патриотом своей великой родины... Лукин мне рассказал очень много интересного, и часть этого я думаю использовать в своем романе».

В роман, если судить только по этому заявлению писателя, вводился новый материал и новые персонажи, происходила перестройка повествования, раздвигались его временные границы. В начале 70-х годов писатель высказывается и по поводу концептуальных аспектов своего повествования: «Мне безусловно придется хотя бы вскользь касаться работы Ставки. Я полностью придерживаюсь точки зрения на этот вопрос маршала Жукова».

«Жуков был великим полководцем суворовской школы,— отвечал Шолохов на вопросы корреспондента «Правды».— Он понимал, что на плечи солдата легла самая нелегкая часть ратного подвига. Думаю, поэтому его воспоминания и пользуются такой любовью... Знать психологию солдата, его ратный труд, его чистое сердце и моральную выдержку, его твердость необходимо каждому, кто берется писать о нем. Есть у меня во второй книге «Они сражались за Родину» генерал, брат Николая Стрельцова. Книга еще в работе, но мне важно психологию, мир чувств у этого человека соотнести с делами времени... Здесь недостаточно одного правдивого показа войны, нужна еще идея, ради которой война изображается».

Мы не знаем, как воплощались эти замыслы в романе, которому писатель отдавал свои последние силы. Даже будучи тяжело больным он продолжал эту работу. Состояние здоровья писателя в 80-е годы ухудшилось. Михаил Александрович уже почти не покидал своего дома в Вешенской, но двери этого дома, как и раньше, были широко открыты для гостей, особенно в праздничные дни. Шолохов дважды был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда, торжественно был открыт в Вешенской бюст писателя, вся страна отметила шестидесятилетие его творческой деятельности.

21 февраля 1984 года в час сорок ночи Михаил Александрович Шолохов скончался. Здесь же в Вешенской, на крутом берегу Дона в тени тополей и берез, писатель был предан родной земле.

Шолохова не стало, но его книги продолжают жить и нести миру коммунистические идеи, воплощенные в высокие художественные формы, утверждать исторический опыт нашего народа, его великие подвиги, укреплять веру в неизбежность торжества социализма на земле.

Оформление Г. Ордынского

Для среднего и старшего школьного возраста

Виктор Васильевич Гура

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО М. А. ШОЛОХОВА

ИБ № 8001

Ответственный редактор **Л. И. Гаврилова.** Художественный редактор **Е. М. Ларская.** Технический редактор **Л. П. Костикова.** Корректоры **Э. Я. Сербина** и **Т. А. Стадольникова.** Сдано в набор 01.03.85. Подписано к печати 02.08.85. А10772. Формат 60×90 1/8. Бум. офс. № 1. Шрифт литер. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 17,0. Уч.-изд. л. 5,91. Тираж 150 000 экз. Заказ № 681. Цена 40 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Ж11 **Жизнь** и творчество М. А. Шолохова: Материалы для выставки в школе и детской библиотеке/Сост. и вступит. ст. В. В. Гуры; Оформл. Г. Ордынского.— М.: Дет. лит., 1985.— 18 с., фотоил.— (Выставка в школе).

40 к.

Материалы для выставки в школе и детской библиотеке издаются к 80-летию со дня рождения Михаила Александровича Шолохова.

Ж $\frac{4803010102-446}{М101(03)85}$ 231—85

ББК83.3Р.7
8Р2

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1985 г.